Дым и зеркала

Автор:
Жюль Бёф

Дым и зеркала

Жюль Дю Бёф

В версии о самоубийстве сомневались лишь некоторые. Версию убийства всерьез не воспринимал никто. Но события девяностолетней давности заставляют британскую контрразведку начать негласное расследование. Установить истинную причину случившегося поручают бывшему сотруднику Скотланд Ярда, сыщику с выдающимися способностями и отвратительным характером. Книга содержит нецензурную брань.

Дым и зеркала

Жюль Дю Бёф

© Жюль Дю Бёф, 2020

ISBN 978-5-4493-7420-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог

Глава 1. Говорит Юстас Баскет, внештатный журналист

Глава 2. Говорит Джеймс Деланси, иммиграционный адвокат

Глава 3. Говорит Марио Каррера, официант в ресторане «Примавера»

Глава 4. Группа «Хотспер»

Глава 5. Говорит Борис Клейндорф, врач-терапевт

Глава 6. Группа «Хотспер». Рождение

Глава 7. Грег Кирш. Показания.

Глава 8. Группа «Хотспер». Опера нищих.

Глава 9. Группа «Хотспер». Непрофессиональное поведение.

Глава 10. Лига джентльменов.

Глава 11. Выяснение отношений.

Глава 12. Говорит Томас Рафферти, старший партнер в «Воган и Слайм»

Глава 13. Говорит Джеймс Деланси, иммиграционный адвокат

Глава 14. Говорит Борис Клейндорф, врач-терапевт

Глава 15. Итальянский свидетель

Глава 16. Говорит Паоло Брачини, пострадавший

Глава 17. Говорит Светлана, подруга покойного

Глава 18. Версии

Глава 19. Зеркала

Глава 20. Вершители

Глава 21. Странный статус

Глава 22. Таинственный остров

Глава 23. Говорит Джереми Спайк, смотритель

Глава 24. Чертова скамейка

Глава 25. Все-таки самоубийство

Глава 26. Нейролептики

Глава 27. Гарри Поттер и чертова скамейка

Глава 28. Говорит Натаниел (Нэтти) Брок, бывший совладелец «Харвуд-Макбейн»

Глава 29. Специальное оборудование.

Глава 30. Всероссийская Рабочая Артель

Глава 31. Дон Беннет, подозреваемый

Глава 32. Охотник на колдунов

Глава 33. Говорит Джон Кэрриган из «Инленд Секьюрити»

Глава 34. WTF

Глава 35. Англичанин в Париже

Глава 36. Двери приоткрываются

Глава 37. Снова говорит Джон Кэрриган из «Инленд Секьюрити»

Глава 38. Сдаетесь?

Глава 39. Говорит Джеймс Абрахамс, иллюзионист

Глава 40. Герберт Келле, Джейкоб Абрахамс и Дон Беннет. Запись телефонного разговора

Глава 41. Допрос законопослушного человека

Глава 42. Из отчета Дональда Персиваля Беннета, пенсионера

Глава 43. Прощание

ПРОЛОГ. 1927 год

Из справки МИ5[1 - Справка МИ5 (май 1927 года) приведена в сокращении, отдельные имена изменены автором]

В течение многих месяцев полиция и военные расследовали деятельность группы секретных агентов, пытавшихся получить доступ к совершенно секретным документам вооруженных сил Великобритании. В ходе этого расследования были установлены факты, однозначно указывающие на то, что упомянутые агенты работали на Советское правительство, получали свои инструкции от членов Российской торговой делегации и передавали в Москву фотоснимки или копии полученных документов.

…

Исходя из установленных фактов, полиция обратилась в магистратский суд за ордером на обыск, каковой ордер был выдан и исполнен 12 числа сего месяца.

…

Специально проинструктированные полицейские офицеры, ворвавшись в здание, немедленно проследовали в фотокомнату (где находился Роберт Келинг) и в комнату шифровальщика Антона Миллера, про которого уже было известно, что он тесно связан с секретными агентами

…

У Келинга было обнаружено большое число запечатанных конвертов, адресованных известным коммунистам и коммунистическим организациям в этой стране и в Америке. В конвертах находились директивы Красного Интернационала профсоюзов.

…

Также у Келинга была изъята директива по подготовке коммунистических агитаторов для распространения подрывной пропаганды среди экипажей британских кораблей.

…

Рядом с комнатой шифровальщика находился кабинет, в котором был обнаружен м-р Гриднев. Дверь в кабинет не имела снаружи ручки, была заперта на ключ, но внутри горел свет. После настойчивых требований полиции дверь открыли. Внутри находились м-р Гриднев, Антон Миллер и неизвестная женщина. Миллер жег документы, которые доставал из большой картонной коробки, стоявшей на полу. При попытке завладеть этой коробкой Миллером и Гридневым было оказано сопротивление. В ходе борьбы из кармана Миллера выпал листок бумаги со списком «конспиративных» адресов для корреспонденции с коммунистическими партиями в США, Мексике, Южной Америке, Канаде, Австралии, Новой Зеландии и Южной Африке.

…

Как известно, еще 1 февраля сего года советский полпред м-р Розенгольц информировал свое правительство о целесообразности заявления для прессы, в котором было бы указано, что м-р Гриднев не является советским представителем, не находится на советской государственной службе, но есть всего лишь частное лицо, работающее на китайское правительство, а СССР за его действия никакой ответственности не несет…

Из письма министра иностранных дел Великобритании полпреду СССР[2 - В письме Чемберлена некоторые фразы и имена изменены автором]

Конфиденциально

Сэр Остин Чемберлен м-ру А. Розенгольцу

Министерство иностранных дел, май 26, 1927 год

Сэр,

Недавно проведенный полицией обыск помещений Российской торговой делегации и Всероссийской Рабочей Артели (ARWA Ltd) убедительно доказал, что

в здании 46 Линкольн Инн Филдс осуществлялось руководство шпионскими и подрывными действиями, направленными против Британской империи. Члены Торговой делегации и сотрудники ARWA занимали одни и те же кабинеты и фактически выполняли одни и те же функции. Установлено, что обе эти организации были вовлечены в шпионскую деятельность и антибританскую пропаганду.

…

Как я и предупреждал вас в ноте от 28 февраля, есть предел терпению Правительства Его Величества, и это предел превзойден. В связи с изложенным, Правительство Его Величества считает себя свободным от обязательств, предусмотренных Торговым соглашением от 16 марта 1921 года. Мистер Хинчук и его сотрудники должны незамедлительно покинуть эту страну.

…

Правительство Его Величества не намерено препятствовать законной и взаимовыгодной торговле между нашими странами, но не потерпит существование в этой стране привилегированной организации, которая, под прикрытием законной торговли, занимается шпионажем и интригами против страны, в которой она учреждена. Извещаю вас, что Правительство Его Величества обращается в Высокий Суд с ходатайством о приостановке деятельности ARWA Ltd вплоть до получения от России убедительных гарантий, что подобные предосудительные и преступные деяния не повторятся в будущем.

…

И наконец, Правительство Его Величества считает, что не в состоянии поддерживать дипломатические отношения со страной, правительство которой допускает и поощряет подобные действия. Таким образом, отношения между нашими странами приостанавливаются, и я вынужден настаивать, чтобы вы и ваши сотрудники покинули эту страну в течение ближайших десяти дней.

…

Примите и проч. Остин Чемберлен

ГЛАВА 1

ГОВОРИТ ЮСТАС БАСКЕТ, ВНЕШТАТНЫЙ ЖУРНАЛИСТ

Гонец в разгар жестокого сражения

Еще не зная об его исходе,

Вскочил в седло и ускакал стремглав.

В. Шекспир «Генрих IV», ч.1, акт 1, сцена 1

…нет, у меня и в мыслях не было никогда писать про Эда Иглета[3 - Eaglet (англ) – орленок. Ed Eaglet – Орленок Эд, персонаж «Алисы в Стране Чудес» Л. Кэррола], или как его там звали. Я слышал, конечно, про историю с его самоубийством, об этом было во всех газетах, а потом еще прошли коронерские слушания, но писать про это я никогда не собирался. Это не мой формат – я всегда готовил небольшие материалы, исключительно по своей инициативе, я же внештатный, не забывайте. Но так уж получилось. Это все из-за Криса. Крис Мартин, он-то как раз был в штате, и ему наш босс Энди поручил подготовить большой материал, на целую полосу, к годовщине самоубийства Иглета. Крис взялся, а потом исчез. Знаете эту историю? Ну как же…

…это было в субботу, и Энди мне позвонил рано утром, часов в восемь, я еще подумал, что это за придурок звонит в такую рань в субботу, и он меня вызвал в офис. Я приехал. Энди сидит злой как черт. Ты знаешь, говорит, где Крис? А я без понятия, я Криса дня три уже не видел вообще, он даже вечером в «Розе и Короне» не появился. «Роза и Корона» – это наш местный паб, мы же с Крисом живем рядом, и по пятницам обычно там встречаемся, только вечером его

не было. И до этого я его не видел несколько дней. Я про это уже сказал…

…ну что значит – друзья? Мы с ним в одну школу ходили, соседи ведь, но он на два года старше, так что особо близко не общались, потом он вообще поступил в университет в Эссексе, там его Энди и подобрал, ну мы встретились как-то в «Розе и Короне», выпили, разговорились, я ему рассказал, что кое-что пописываю для «Сан», а он и говорит – а не хочешь у нас попробовать. Познакомил меня с Энди. У меня как раз был материал про бабулю из Чизика, которая отбилась от трех здоровенных грабителей, я его показал Энди. Ему понравилось, и я стал для них тоже писать. Иногда брали, иногда не брали – ну вы знаете, как это бывает. Так что я с Крисом в нормальных отношениях был. В хороших. По пятницам встречались в «Розе и Короне», ну я про это уже сказал…

…ну вот, и Энди мне показывает распечатку письма от Криса, которое… оно в три часа утра было отправлено – представляете? Там что-то, что у него сложная личная проблема, что он вынужден немедленно уехать, появится не раньше, чем через три недели, бла-бла-бла, материал в срок сдать не может и приносит свои извинения. Я еще тогда не знал, про что он пишет. Энди, как только это письмо прочел, сразу начал Криса вызванивать, а у того идет сброс номера. И мобильный Энди сбрасывается, и мобильный Сью – это жена Энди, и офисные стационарные номера сбрасываются тоже…

…Энди и говорит мне – вы же приятели, позвони ему со своего мобильного, может, он тебя не заблокировал, спроси, что он о себе возомнил, выкидывать такие штуки. Я набрал Криса, и он ответил. Не заблокировал, то-есть, мой номер. Я говорю, Крис, как дела, ты где? чего тебя не было вчера? Он сначала сказал, что все в порядке, а потом и спрашивает – ты не из офиса, случаем, звонишь? Энди рядом? Ну, я врать не стал, говорю – рядом. Передай ему, говорит он, привет. И отключился. И с моего номера тоже звонки к нему перестали проходить. Тут же…

…ну, когда Энди понял, что Крис жив-здоров, он немного успокоился, хотя понятно было, что Крису здесь больше не работать. Тут мне Энди и рассказал,

что Крис готовил большой материал про Эда Иглета и его самоубийство. Посмотрел на меня и говорит – не хочешь попробовать? вместо Криса?…

…это же отличный шанс – материал на полосу, почти гарантированное попадание в штат, тем более, что Крис сам себя уволил, и место освободилось. Криса, конечно, жалко, но никаких угрызений совести, ничего такого, я его не подсиживал, не интриговал, он сам себе это все устроил; если бы он не блокировал номер Энди, а просто поговорил с ним по-человечески, объяснил бы ситуацию, все бы еще и обошлось, но вот эта история с блокировкой входящих звонков – это уже слишком…

…нет, я не знал, что Крис тоже был в «Примавере»: пока он не исчез, он вообще свой материал со мной не обсуждал, а потом, как я сказал уже, он меня заблокировал, так что я с ним не говорил до самого его возвращения, когда моя статья уже вышла. Но это же очевидно – «Примавера»! Сразу после самоубийства Иглета про него много писали, была куча интервью с людьми, которые его близко знали. Вы же помните, наверное – все в один голос утверждали, что никак не могло быть самоубийство, потому что никаких причин для этого не было. Все его встречи за месяц до смерти изучили, поговорили со всеми, кто с ним виделся – ровным счетом ничего, что могло привести к такому концу. А ведь должна же быть причина – человек так просто, ни с того, ни с сего, в петлю не полезет. Я говорил с полицейскими, которые вели расследование: они мне сказали, что с учетом личности покойного и его отношений с властями в России, версия убийства – самая очевидная. Только это никак не могло быть убийство, потому что это физически невозможно. Вы помните обстоятельства дела? Там окно было, которое как нарочно заложили кирпичом, да еще решетка, и дверь, закрытая изнутри на засов и банемский замок, которую пришлось вышибать, потому что единственный ключ был в кармане халата у Иглета, а если бы и был второй ключ, то снаружи его все равно вставлять было некуда. Вы на коронерском следствии не были? Я тоже не был, но читал, что полицейские притащили на слушания эту дверь и демонстрировали там, что если она закрыта изнутри, то снаружи ничего с ней не сделаешь. Так что убить его было невозможно физически. Остается, понятно, только самоубийство. А про это все говорят, что самоубийство для Иглета было психологически невозможно. Понимаете? У меня в университете был курс по психологии, вел профессор Эрлих, и он нам часто говорил, что психологическая невозможность – такой же весомый аргумент, как

и физическая. Если какой-то поступок для человека психологически невозможен, то он никогда и не будет совершен. Точка. Конец истории. Значит что? Раз это самоубийство, то незадолго до него должно было что-то произойти, что эту самую психологическую невозможность превратило в психологическую возможность. Должна быть причина, а ее обнаружить так и не удалось. Вот теперь слушайте. Он повесился в субботу утром, и в этот самый вечер, в субботу, у него была запланирована пресс-конференция, и он в пятницу с утра всех журналистов обзвонил и подтвердил, что встречаются у него дома. Потом он обедал с девушкой в Мэйфэр, у Новикова, потом пару часов они ходили по магазинам на Бонд Стрит, он покупал ей подарки. Ничто не предвещает, не так ли? Потом, с этой же девушкой, был в Поло-баре, в Вестбери. Там они выпили бутылку шампанского, он проводил ее до номера, но не остался, а отправился в «Примаверу» ужинать. Один. Он появился в «Примавере» около семи вечера, в половине двенадцатого рассчитался, поехал домой, и, прежде чем лечь спать, отпустил прислугу на три дня. С этой минуты и до десяти тридцати следующего утра на его телефон ни одного звонка не поступало. Вы следите? Так вот, если что-то случилось, что толкнуло его в петлю, то это что-то произошло именно в «Примавере»…

…конечно, его там помнят, еще бы. Еще бы они не помнили такого клиента! Я говорил с метрдотелем, он повторил то же самое, что говорил и полиции – приехал, поужинал, уехал в великолепном расположении духа, шутил и смеялся. А почему вы спрашиваете про «Примаверу»?…

…нет, мне это и в голову даже не пришло. А зачем надо было говорить с официантом?…

…нет, я Криса после его возвращения не видел. Я вообще не знаю, где он сейчас. Может быть в Северной Ирландии, хотя я не уверен. Мне сказали в офисе, что он встречался с Энди, что они долго разговаривали, но я его не видел. Мне он только позвонил один раз, вот тогда и сказал, что ему предложили место в Белфасте. Я спросил, видел ли он мою статью, а он сказал, что видел, и что получилось полное дерьмо. И еще он сказал, что мне крупно повезло. Я не думал, что он такой завистливый…

…а почему вы спрашиваете про официанта?..

ГЛАВА 2

ГОВОРИТ ДЖЕЙМС ДЕЛАНСИ, ИММИГРАЦИОННЫЙ АДВОКАТ

В краях, омытых бурными морями,

В Уэльсе, в Англии, в горах шотландских

Кто назовет меня учеником?

В. Шекспир «Генрих IV», ч.1, акт 3, сцена 1

…меня попросили, чтобы я с вами встретился и ответил на ваши вопросы. Вы должны понимать, что существуют правила, касающиеся конфиденциальности, и правила эти не перестают действовать даже после кончины клиента, так что есть определенные вещи, которые я никак не буду комментировать. Мне вообще не следовало бы принимать участие в этой встрече, строго говоря, но… меня попросили. Тем не менее, я готов обсуждать только то, что имеется, так или иначе, в открытом доступе. В этом смысле вам, пожалуй что, повезло, потому что мой покойный клиент смог получить политическое убежище только по решению трибунала, и отдельные свидетельские показания на этих слушаниях впоследствии были оглашены в других судебных процессах. Как вы знаете, моему клиенту нравилось судиться. Странное увлечение, весьма. Но это факт. Я оцениваю его юридические расходы – в совокупности – примерно в тридцать миллионов фунтов. Плюс-минус. Для лондонских юристов настоящий клад…

…все началось с того, что я получил по электронной почте письмо, в котором некто Игорь Летов спрашивал, соглашусь ли я представлять его интересы, если

он… я сейчас не помню точных выражений в письме, да и написано оно было на весьма скверном английском, но о политическом убежище речи там не было, как-то обтекаемо все. Я отправил ему наши условия и уже на следующий день получил скан с его подписью, а еще через пару дней – довольно неожиданно – поступил депозит, тридцать тысяч фунтов, из какого-то банка на Кюрасао. Меня это, как вы понимаете, насторожило – к отмыванию денег сейчас относятся серьезно, а кто такой этот «Принц Игор» я понятия не имел. Я посоветовался со своим аудитором, и он рекомендовал отправить деньги обратно и попробовать разузнать хоть что-нибудь о клиенте. Я перечислил деньги обратно на Кюрасао и отправил «Принцу Игору» стандартную форму сведений о клиенте для заполнения, но письмо тут же и вернулось: электронный адрес вдруг оказался недействительным. И я предпочел про «Принца Игора» забыть…

…он позвонил из Хитроу. Я долго вспоминал, кто это такой, потом вспомнил с трудом. Это был рейс из Украины на Карибы с посадкой в Лондоне – сейчас на этот рейс без транзитной визы не сажают, но тогда было проще. Он сразу же прошел к паспортному контролю и попросил убежища. У него с собой был просроченный российский паспорт на имя Игоря Летова. Я так думаю – это всего лишь мое предположение, имейте в виду, – что из Украины он вылетел по какому-то другому документу, скорее всего фиктивному, а перед посадкой в Лондоне он этот документ уничтожил. А еще у него – что здорово помогло – был при себе договор аренды особняка под Лондоном, да-да, того самого, и даже ключи. Я помог ему заполнить первичные документы на убежище, нас еще несколько часов продержали в аэропорту, у него взяли отпечатки пальцев, все как обычно, изъяли просроченный русский паспорт, назначили первое интервью в Хоум Офис и отпустили…

…его встречал большой черный «Мерседес». Водитель сразу же передал ему сумку, там оказались наличные, много, несколько пачек пятидесятифунтовых купюр, и еще какие-то бумаги. Но на бандита он не был похож – скорее на компьютерщика или дизайнера, такое было первое впечатление. Мы сразу поехали к нему в особняк – был уже вечер, и он предложил вместе поужинать…

…думаю, что подробно рассказывать про группу компаний «Круг» нет смысла, про это много писали. Все активы группы были национализированы или

переданы близким к Кремлю бизнесменам, это был совершенно неприкрытый грабеж, который мало чем, честно говоря, отличался от того, как эти активы были приобретены изначально самой группой, но это несколько другая тема. Все руководители группы смогли бежать за границу: им дали уехать, хотя вполне могли и не дать. Против них возбудили уголовные дела, объявили в розыск, стали рассылать по миру запросы на экстрадицию, но… Все это делалось настолько формально и халатно, что в нашей среде сложилось устойчивое мнение о существовании некой договоренности, своего рода пакта о дальнейшем ненападении – мы забрали то, что хотели, вам тоже оставили достаточно, мы вас больше не трогаем, только создаем видимость, а вы не производите особого шума, тихо сидите за границей и помалкиваете. И для такого мнения были серьезные основания, можете мне поверить. Один из этой компании… не могу сейчас припомнить фамилию, но это неважно… он получил убежище во Франции и преспокойно проживал в Ницце, а в один прекрасный день решил заехать в Монте-Карло, поиграть в казино. В тот же вечер его арестовали, потому что он был в списках Интерпола. Он предъявил документы о получении убежища, его выпустили под залог, запретив покидать территорию Монако, известили русских и стали ждать официального запроса на выдачу. Так вот – запрос так и не поступил: ни через три дня, ни через неделю, ни через две. Сообщили русским, что не могут задерживать человека бесконечно долго и такого-то числа должны будут его отпустить. Русские молчат. Только когда он уже был во Франции, они наконец-то прислали запрос. И это не единственная история, таких случаев было несколько. Всем руководителям «Круга», кто просил об убежище, его предоставляли довольно быстро и без каких-либо демаршей со стороны России. Если не считать эпизодических всплесков эмоций в кремлевской прессе…

…поэтому я ожидал (и информировал об этом мистера Летова на следующий же после его прибытия день), что его вопрос будет решен в течение примерно шести месяцев: с учетом того, как это происходило с прочими людьми из «Круга», я полагал, что это еще пессимистическая оценка. Можете представить теперь мое удивление… На первое интервью в Хоум Офис, помимо обычного чиновника пришли еще двое: один из экстрадиционной службы Скотланд Ярда и еще один из Министерства иностранных дел; они, правда, помалкивали, но я такого уже много лет не наблюдал. Со вторым интервью тянули почти год, провели его очень быстро и весьма формально, а через неделю прислали отказ в предоставлении убежища и тут же начали процедуру экстрадиции…

…а вот это как раз и есть самое интересное. Летов появился в «Круге» уже после всей этой их так называемой приватизации, когда все уже было поделено, и к первоначальному обретению капитала никакого отношения не имел. И вообще он коммерцией не занимался. Очень важно, что в запросе на экстрадицию, который прислали русские, ему самому ровным счетом ничего не вменялось – там шло перечисление всех фигурантов дела «Круга», которые совершили такие и эдакие преступления, а в конце списка просто добавлялась его фамилия, так что понять, в чем он, собственно говоря, обвиняется, никак не было возможно. А в некоторых местах они даже забывали добавить его фамилию, и это весьма забавно. Очень спешили при составлении запроса, такое создалось впечатление. Его должность в «Круге» называлась «вице-президент по связям с правительством», что-то вроде штатного лоббиста. Ну… мы понимаем, конечно, что такое лоббист в российском правительстве, и чем такой человек профессионально занимается, так что если бы он обвинялся русскими в должностном подкупе и коррупции, это было бы как минимум логично, но как раз эта тема в запросе никак не была затронута, а обвинялся он исключительно в том, к чему никакого отношения не имел и иметь не мог. Но это была не единственная странность. Очень настораживал напор, с которым русские начали вдруг бороться за его экстрадицию. Присутствие чиновника из Форин Офис на первом собеседовании говорит о многом. Летов сказал мне как-то, что русский президент специально обсуждал с нашим премьером его экстрадицию, и что это точная информация. Я ее проверить, как вы понимаете, не мог, но очень похоже, что контакты насчет экстрадиции Летова на достаточно высоком уровне действительно имели место. Поэтому мы и получили отказ в предоставлении убежища, и пришлось обращаться в иммиграционный трибунал. Там мы выиграли, потому что, несмотря на крайне ожесточенный нажим русских, представленные ими материалы с юридической точки зрения никакой критики не выдерживали. Если вы следили за этим процессом, то наверняка обратили внимание, что по этому поводу было специальное заявление сперва русского посла, а потом еще одно заявление, их Министерства иностранных дел, совсем уж неприличное: там говорилось, что Великобритания встала на путь предоставления политического убежища ворам и мошенникам, и это может привести к необходимости пересмотра отношений между двумя странами. Хорошо еще, что не объявили войну…

…потом, когда он уже начал подавать иски, стало понятно, почему русские так за него сражались, да он мне и до этого намекал, но я сперва не мог поверить:

от русских всего можно ожидать, как мы знаем, но чтобы такое…

…я не хотел бы комментировать вердикт коронерского суда, но неофициально могу вам сказать, что был им весьма удивлен. Да, имеющиеся доказательства в пользу версии о самоубийстве представляются неопровержимыми, но все же это открытый вердикт! Значит, сомнения в правильности этой версии имеют под собой определенную почву. Почему же не возобновили расследование? Нет-нет, ни в чем полицию не упрекаю и не подозреваю, но что-то определенно не так. Я уверен, что здесь какая-то загадка, и она, вероятно, так и останется неразгаданной. Хотя…

ГЛАВА 3

ГОВОРИТ МАРИО КАРРЕРА, ОФИЦИАНТ В РЕСТОРАНЕ «ПРИМАВЕРА»

Он целым миром образов захвачен,

Но лишь не тем, что требует вниманья

В. Шекспир «Генрих IV», ч.1, акт 1, сцена 1

…я не знаю, я про это ничего не знаю, я ни с кем ни о чем не говорил, я просто работаю официантом здесь, в «Примавере», уже пять лет, вы можете проверить все мои документы, я плачу налоги, с полицией никаких дел не имею и о клиентах не имею права рассказывать, можете справиться у босса, у мистера Висенте…

…да, я знаком с Паоло, мы оба из Милана, только он приехал в Лондон на год раньше меня, мы здесь же и познакомились – я спросил, нет ли кого из Милана,

а он сказал – вот я из Милана, так мы и познакомились, но мы не были какими-то близкими друзьями, просто работали вместе, ну и иногда заходили в бар пропустить рюмку-другую, вот и все; я знаю, он жил в Норфилдзе, а я в Сент Джон Вудс, это совсем разные концы города. Конечно, я знаю, что он уволился. Думаю, что вернулся домой в Милан. Я не знаю, почему. Может из-за девушки, может по какой-нибудь другой причине. Нет, он никогда не говорил, что собирается уволиться. Мне не говорил во всяком случае. Это было очень неожиданно. Вчера еще работал, а сегодня – раз! – и уехал. У меня его миланского адреса нет…

…когда? Дайте вспомнить… Мне кажется, что примерно в октябре. Как раз был сезон белых трюфелей, а он уехал. Да, точно в октябре. Нет, мне неизвестно, чтобы к нему перед этим кто-то приходил, о чем-то расспрашивал. Нет-нет – у нас здесь каждый занимается своим делом. И с какой стати я должен был интересоваться, с кем он разговаривает! У меня свои дела, у него свои…

…мистер Висенте так сказал? Ну да, я ведь говорил уже, что мы с Паоло оба из Милана, так что я с ним общался чаще, чем с другими, но это ведь не значит, что мы должны были непременно быть близкими друзьями, не так ли? Но если мистер Висенте так говорит, то пожалуйста – только я все равно ничего не знаю…

…мистер Иглет? Мистер Эд! Ну а как же – это ведь один из наших лучших клиентов! Был, да. Очень жаль. Он всегда требовал, чтобы его обслуживал только Паоло. Он учил Паоло русскому языку, когда приходил, называл его «Павлик». Когда он приходил, Паоло всегда встречал его прямо у двери, и он всегда говорил – как дела, Павлик?, по-русски, а Паоло, как тот его научил, показывал ему большой палец, вот так, и тоже отвечал по-русски – «Ващще пиздетц», как тот его научил. И они оба смеялись. Он был очень веселым, мистер Эд. Когда он повесился, Паоло очень переживал. Мы с ним хотели поехать на похороны, но там все сделали очень секретно, и мы туда не попали. Только дня через три – узнали, где он похоронен, отвезли цветы и потом выпили за его память…

…я знаю, что в тот вечер, перед своей смертью, мистер Эд у нас ужинал. Да, я про это знаю. Но я его не видел, с Паоло про это не разговаривал, и ничего вам про это рассказать не могу. Не могу, понимаете? Потому что мне нечего рассказывать. Я про это ничего не знаю. Совсем ничего. Я устал. У вас еще много вопросов?…

…да, это мой номер телефона, а это номер Паоло. Я вижу дату. И время вижу…

…не знаю уж, зачем вам все это нужно. У меня могут быть неприятности, вы понимаете? Очень, очень большие неприятности, вы просто не представляете какие…

…этот журналист, мистер Мартин, он пришел к нам в ресторан тогда, в октябре, я не помню точное число, но это было за день до того, как Паоло уволился, он сказал, что у него назначена встреча с нашим боссом, с мистером Висенте, сел за столик, и я принес ему каппучино и минеральную воду. Да, у него с собой был диктофон. Он немного поговорил с мистером Висенте, а потом мистер Висенте позвал меня и сказал, чтобы я нашел Паоло. И с Паоло мистер Мартин разговаривал больше трех часов…

…да, это так и было. Паоло мне позвонил ночью, примерно в два часа, и сказал, что увольняется и срочно улетает домой, в Милан. Я спросил – что случилось, а он ответил только, что у него проблемы, но по телефону он говорить не будет. И он попросил меня, чтобы я сказал мистеру Висенте, что у него кто-то там умер или еще что-нибудь в этом роде. Потом я ему позвонил, через несколько минут, вот – это у вас как раз мой звонок. Я думал, может надо чем-нибудь помочь, а он сказал, что ничего не надо. А потом он мне перезвонил тут же – вот, у вас это есть, – и предупредил, чтобы я никогда ни с какими журналистами не встречался и не говорил. Ни про него, ни про мистера Эда. Иначе, я так его понял, у меня тоже будут проблемы. Вот поэтому, когда через неделю или около того, опять пришел журналист, но уже не мистер Мартин, а другой, я сказал, что у меня страшно разболелась голова, и, пока этот журналист разговаривал с мистером Висенте, я просто сидел напротив, в «Кафе Неро», и ждал, когда он уйдет. Но он про меня даже не спросил…

…ну я так понял Паоло, что мистер Мартин его расспрашивал про мистера Эда. А про что еще он его мог спрашивать… Только я никак не могу даже представить себе, что такое Паоло мог рассказать мистеру Мартину: он же всего лишь официант. И почему он решил, что у него теперь непременно будут проблемы…

…да, это наш счет… Сейчас, сейчас… мисо лосось с поджаренным арбузом… равиоли из морской форели с мятой… цесарка с иберийской ветчиной… говядина «Веллингтон»…точно сказать не могу, но это не меньше, чем на двоих. А какая сумма? Ого! Одну минутку – «Ла Флер Петрус» 2003 года… это счет мистера Эда, это точно, потому что он всегда заказывал только это вино. Две бутылки. Ну за этим ужином, если судить по счету, их было минимум двое…

…нет, мистер Эд, когда приходил к нам, всегда занимал отдельный кабинет – у нас их два: на восемнадцать человек и на шесть, мистер Эд обычно брал кабинет на шестерых. Давайте я вам нарисую – вот общий зал, вот коридор, и это дверь в малый кабинет. Там за дверью что-то вроде небольшого лобби с кушеткой и столиком, там сервируют аперитивы, а когда мистер Эд приходил, то за этим столом всегда сидел его охранник, он у него один был, по-моему израильтянин, потом еще одна дверь, и там уже сам кабинет. Туда никто и не заходил, если мистер Эд не приглашал лично. А для вызова официанта там была кнопка…

…ну откуда же! Когда клиент приходит в «Примаверу», то либо у него заказан столик, и тогда в рецепции есть запись, либо он говорит, что пришел к такому-то, и его просто провожают к столу. Или не провожают, если он сам знает, куда идти. И никакой записи в этом случае нет. Я так думаю, что если у мистера Эда в тот его последний вечер был гость, то он сразу прошел в малый кабинет. А уж там его никто не мог видеть, кроме официанта. Паоло, я имею в виду. Но и Паоло мог не знать, кто это такой, если не встречал его раньше…

ГЛАВА 4

ГРУППА ХОТСПЕР

Думается мне, на всей лондонской дороге нет хуже этого дома по части блох

В. Шекспир «Генрих IV», ч.1, акт 2, сцена 1

Дом стоял чуть в глубине улицы, отделенный от нее сплошным металлическим забором, когда-то выкрашенным в темно-зеленый цвет, но краска уже давно выгорела, покрылась грязью и ржавчиной. Забор надежно укрывал от взглядов окна первого этажа, хотя и непонятно было – что там надо было прятать, потому что все три окна еще в незапамятные времена были наглухо заложены кирпичем, по кирпичной кладке закрашены белой масляной краской, да еще и укрыты ржавой арматурной решеткой. Такие же масляные бельма таращились на посетителей рынка со второго этажа, и только круглое чердачное окно оставалось зрячим, если только через многолетнюю грязь, скопившуюся на стекле, что-либо можно было рассмотреть.

Узкий промежуток между домом и забором был завален мусором – пустыми банками из-под пива и колы, рваными полиэтиленовыми пакетами, обрывками картонных коробок и еще всякой дрянью, которую проходящие, нимало не стесняясь, перебрасывали через ограду.

Эта пустующая неопрятная развалина не привлекала ни сквоттеров, ни неприхотливых беженцев с Ближнего Востока, взгляд скользил по унылому фасаду ни за что не цепляясь, и если бы вдруг дом каким-то волшебным образом исчез или превратился в груду развалин, то это, скорее всего, осталось бы незамеченным, тем более, что официально этого дома как бы не существовало вовсе: соседствующий с ним слева турецкий магазинчик имел номер 37, рыбная лавка справа – номер 38, а на самом доме не было ни номера, ни какого-либо еще опознавательного знака, будто бы он сам собою волшебным образом возник на пустом пространстве между двумя торговыми точками, да так и остался стоять, собирая вокруг себя рыночный мусор и привлекая толстых лондонских

крыс.

И если бы надо было кому-то получить документальное подтверждение, что дома этого нет и никогда, скорее всего, не было, то достаточно было бы посмотреть на спутниковую карту от Гугл и убедиться, что и рыбная лавка и турецкий магазин Софра выходят своими торцами на Рактон Роуд, но с противоположных сторон улицы, так что находиться между ними ничто не может.

Сама же Рактон Роуд тоже была необычной улицей. Со стороны рынка, то-есть оттуда, где странный заброшенный дом соседствовал с рыбной лавкой, въезду на Рактон Роуд препятствовала непонятно кем и почему устроенная цветочная клумба с бездействующим и наполовину уже развалившимся фонтаном. А в сотне ярдов на восток, где Рактон Роуд заканчивалась, уткнувшись в Т-образный перекресток, она была перекрыта шлагбаумом. Въехать на Рактон Роуд можно было только обладателю специальной пластиковой карточки – у каждого, кто проживал на этой улице, такая карточка была.

Поэтому Рактон Роуд была практически свободна от движущегося транспорта, и дети использовали ее как большую игровую площадку. Понятно, что пустой дом вызывал у них повышенный интерес, но проникнуть в него никому не удавалось, поэтому интерес этот носил чисто умозрительный характер.

Как известно, пустующие дома обычно служат приютом для всякой нечисти, но представить себе, что за этими замызганными стенами может найти прибежище какое-нибудь классическое английское привидение – скелет в несвежем саване, в цепях и с окровавленным кинжалом в костлявом кулаке, или полупрозрачная заплаканная дева в развевающихся одеждах, – было решительно невозможно: любой сколько-нибудь уважающий себя призрак с презрением отверг бы даже намек на то, чтобы стать хоть как-то ассоциированным с этим сараем. Noblesse oblige, и даже призрачная репутация непременно будет втоптана в грязь, если относиться к ней без должного почтения.

Однако же, внимательный и любопытный наблюдатель мог бы, хотя и не без труда и потратив на это значительное время, обнаружить, что с этим не имеющим адреса сооружением связаны какие-то не очень понятные явления. Например, в непосредственной близости от забора мобильные телефоны время от времени совершенно неожиданно переставали ловить сигнал, но стоило

перейти на противоположную сторону улицы или просто сделать несколько шагов в сторону, например, рыбной лавки, как сигнал волшебным образом восстанавливался. А еще в сумерках иногда видны были бело-голубые световые блики, просачивающиеся через закопченное чердачное окно, как будто там, наверху, кто-то с увлечением смотрел старый черно-белый телевизор. Это было особенно странно, прежде всего потому, что смотреть телевизор там было решительно некому, поскольку в дом никто не мог войти из-за отсутствия входной двери. То-есть, когда-то дверь наверняка была, и находилась она в торце, выходящем на Рактон Роуд, но ее постигла та же участь, что и окна первого этажа: кирпичная кладка и побелка поверху, да еще и куча мусора на развалившемся крыльце.

На самом деле, входная дверь, скорее всего, существовала. Иногда какие-то люди торопливо заходили в узкий проход за домом, начинающийся от Рактон Роуд, и там исчезали бесследно. Им секрет проникновения в загадочное здание без адреса был, по-видимому, известен.

Кстати, раз уж выше речь зашла о призраках, то эти люди как раз и были самыми настоящими призраками, потому что каждый из них находился в том сумеречном периоде, который наступает для многих после того, как активная жизнь закончилась, от бывших сослуживцев отгородила туманная завеса забвения, друзья умерли или расползлись по странам и континентам, сохранившиеся родственники напоминали о себе только рождественскими открытками, которые чем дальше, тем больше напоминали букетики цветов, раз в год приносимые на кладбище, да, впридачу, их совместное пребывание в доме без адреса не имело никакого официального объяснения.

Они были – и их не было.

Официально не было ни их, ни группы «Хотспер», что никак не мешало ей существовать неофициально и регулярно собираться в пустом доме на Рактон Роуд, по соседству с рыбной лавкой, выходящей на раскинувшийся во всю длину улицы рынок. Чтобы проникнуть в квартиру, нужно было свернуть на Рактон Роуд, потом в калитку слева и пробраться через заваленный картонными коробками проход; за наружной грязно-зеленой дверью укрывалась еще одна, с кодовым замком; а там по лестнице уже можно было подняться на второй этаж и через миниатюрную кухню попасть в узкий коридор с одним замурованным окном, обращенным на рынок, и дверями, ведущими в «кабинет», где Дон проводил заседания, и «комнату досуга» с тремя огромными сейфами –

реликвиями доисторических времен, когда информация хранилась в толстых картонных папках. Теперь два сейфа были пусты, а в третьем находились черные и серые ящики, соединенные жгутами проводов и подмигивающие синими и зелеными глазками. Напротив, у темно-серой в подтеках стены стояла складная кровать Рори, перебравшегося на Рактон Роуд из Чичестера, где он проживал после выхода на пенсию.

В «кабинете» было королевство Дона. Он заполнял собой старое кожаное кресло во главе стола и говорил нудным, скрипучим голосом, глядя в почерневший от табачного дыма потолок. Закон о запрете курения он игнорировал, объявив «кабинет» своим личным пространством, где можно находиться, только признавая право хозяина делать все, что ему заблагорассудится. Сегодня он был не в духе, ко всем придирался и капризничал.

– Я считаю необходимым еще раз обратить ваше внимание на технику проведения опросов. Не понимаю, почему я вынужден снова и снова возвращаться к этому, вы все – люди достаточно опытные, чтобы запомнить такую простую вещь раз и навсегда и избавить меня от необходимости постоянно повторять вам одно и то же. Две трети из тех, с кем вы говорите или еще будете говорить, всегда будут вам лгать, причем вовсе не потому, что им есть, что скрывать. Одни будут это делать потому, что им не нравятся ваши физиономии, им не нравится, что им вообще задают какие-то вопросы, или они просто хотят, чтобы все это побыстрее закончилось. Другие же, наоборот, вне себя от счастья, что они хоть кому-то интересны, и будут стараться угодить, рассказывая наперегонки о том, о чем и понятия не имеют. Есть только один способ застраховаться от вранья, и вы его прекрасно знаете или должны знать, по крайней мере. Опрашиваемый ни под каким видом не должен догадаться, что вас на самом деле интересует. Это азбука, джентльмены. Именно поэтому я крайне раздосадован тем, как был организован опрос этого журналиста, – Дон ткнул пальцем в сторону висящего на стене экрана, – Юстаса Баскета. Полюбуйтесь. Я не собираюсь копаться в деталях, оставляю это упражнение тебе, Ник, но ты уж потрудись разобраться, как такое могло случиться, что он вдруг прозрел и сообразил, как прокололся, упустив официанта. Да, я понимаю, что тебе именно это и надо было выяснить позарез, встречались они или нет, но ломить вот так, напролом… А ведь это журналист! Ты можешь гарантировать, что он не полезет в «Примаверу» снова? Я понимаю: статья опубликована, задание выполнено – а ну как завтра ему опять прикажут что-нибудь на эту тему сочинить? А ты ему уже объяснил, прямым текстом, где в его писанине белое пятно. Это понятно, Ник? Так что давай, думай. Сделай работу над ошибками, а одновременно посоображай, что надо предпринять на случай, если этот Баскет

все же сунется еще раз в «Примаверу». Или решит прокатиться в Милан. Или в Белфаст. Понял меня? Кстати насчет Милана. Какие у вас новости, Страут?

Младший инспектор Скотланд Ярда Майкл Страут был прикомандирован к группе для связи между бюрократической реальностью и неформальным мирком Рактон Роуд. Некоторые инициативы группы «Хотспер» нуждались в официальном прикрытии, и Майкл Страут, доложив предварительно начальству и получив разрешение, такое прикрытие обеспечивал. В группе он был самым молодым – всего тридцать два года, а остальным уже под семьдесят.

– С Миланом придется немного подождать, мистер Беннет, – сокрушенно сообщил Страут. – Я объяснил, насколько это важно, но… Мы, короче говоря, не можем действовать по обычным каналам. Официально никакого расследования нет, поэтому механизм правовой помощи… И на этого, Паоло Брачини, нет никакого компромата… Короче говоря, к итальянской полиции нам просто не с чем обращаться. Это если официально. Есть другой путь, но тут нужно время – человек, который может помочь, сейчас в отпуске, но на следующей неделе уже будет на месте. Так может даже быстрее получиться – вы же знаете итальянцев, запрос о правовой помощи они будут месяц рассматривать.

– Откуда человек?

Майкл Страут покраснел и уставился в стол.

– Страут?

– Прокуратура республики, – пролепетал наконец Страут. – Там… предполагается, что с Брачини говорить будет он, но в нашем присутствии… я предварительно сказал, что мы будем вдвоем, я и Ник.

– Так, – согласно кивнул Дон. – Не пойдет. Передайте вашему начальству, Страут, что так не пойдет. Брачини говорит по-английски. Значит, опрос будет вести Ник под наблюдением итальянского прокурора. Иначе не имеет смысла. Если этот ваш итальянец любезно согласился (или согласится) действовать в обход установленных процедур, то пусть сделает над собой еще одно усилие и посидит молча. И вам там делать совершенно нечего – легальное прикрытие обеспечит итальянец. Вы сможете договориться? Или мне надо позвонить

самому?

– Я попробую.

– Вот и попробуйте. Прошу внимания, джентльмены. Есть еще один вопрос, очень важный. Я признаю за каждым из вас право на сомнение по поводу того, почему наше расследование идет именно так, а не как-то иначе. Так вот, эти ваши сомнения вы можете свободно обсуждать друг с другом, если по каким-то причинам вам неудобно задавать вопросы мне. Против этого я не возражаю. Но я категорически против того, чтобы вне этой комнаты и за пределами группы распространялись всякие фантазии и домыслы относительно того, чем мы занимаемся. Если что-либо подобное будет происходить, с виновным я распрощаюсь немедленно. Надеюсь, все услышали? Давайте прервемся на полчаса, а потом обсудим диспозицию до конца недели. Встречаемся снова, – он посмотрел на лежащие перед ним часы, – ровно в тринадцать.

Четверка проследовала к выходу. Оставшись в одиночестве, Дон с трудом выбрался из кресла, морщась потер поясницу, налил в кружку кофе из черного термоса и закурил очередную сигарету.

– Войдите, – сказал он, когда в дверь постучали.

– Мы можем поговорить? – спросил Майкл Страут, заглядывая в «кабинет».

Дон кивнул и махнул рукой в сторону стула. Сам он остался стоять, громко прихлебывая кофе.

– Зачем вы так, мистер Беннет? – сказал Страут, как и раньше уставясь в стол. – Они ведь все поняли, а нам еще работать вместе. Зачем вы при всех… вы же могли просто поговорить со мной… или вы решили со мной попрощаться? Тем более, можно было наедине…

– М-да, – задумчиво произнес Дон. – Хотите кофе, Страут? Ну ладно. Вы еще молодой человек и многих вещей просто не чувствуете. Эти старые развалины – Ник, Мэт и Рори – знают все, что знаю я, а то и больше. Так что никакой тайны про вас я им не раскрыл. То, что вы обо всем здесь происходящем докладываете у себя, это вообще не секрет, это такая работа, и кого бы ваша контора не прислала сюда, ничего ровным счетом не изменится. Дело не в том, что вы

там рассказываете, а в том, КАК вы это рассказываете. Под каким соусом вы подаете информацию. Вы правильно сделали, что вернулись, чтобы побеседовать. Не тревожьтесь, если я вас и выгоню, то не потому, что вы шпионите для своего начальства, а в том случае, если вы будете плохо исполнять свои обязанности тут, у нас, для меня только это и имеет значение. Не скрою, жизнь была бы легче, если бы тон ваших донесений стал более, как это сказать, благожелательным, но на это я повлиять никак не могу, не так ли?

Майкл Страут продолжал молча смотреть в стол. Потом он тихо сказал:

– Я наверное не понимаю некоторых вещей. Это вполне вероятно, у меня нет вашего опыта, мистер Беннет, но тут же очевидно… версия смерти по естественным причинам отпала еще в самом начале, значит – либо убийство, либо самоубийство, полиция настаивает на том, что самоубийство, и доказательства, мистер Беннет, на мой взгляд, неопровержимые, однако коронер выносит открытый вердикт. Если мы занимаемся расследованием, было ли это убийство, то надо прежде всего установить всего две вещи – мотив и возможность. Вот казалось бы… часть группы занимается установлением возможного мотива, а остальные пытаются понять, как можно в наглухо запертом изнутри помещении убить человека, а потом бесследно исчезнуть. Хорошие задачки, мистер Беннет, тем более если вспомнить, что этим уже кто только ни занимался, включая особый отдел, – и никаких результатов. А что мы делаем? Опрашиваем каких-то странных людей, которых и поблизости не было. Мне кажется, сэр, я прошу прощения, но мне кажется, что это просто пустая трата времени и денег. Или вот – Милан. Зачем Милан? В Ярде тоже не понимают, я не буду вам рассказывать, сэр, как они восприняли вашу просьбу, но вы можете себе представить…

– Я примерно так и думал, – вздохнул Дон. – Все с ног на голову. Я вам скажу одну вещь, Страут. Если человека убивают, то для этого всегда есть причина, мотив, как вы говорите, хотя мотив этот вам может не быть известен. И если человека убивают, это значит, что был способ это сделать, хотя вы можете и не понимать, каким именно образом это совершилось. И вот эта самая неизвестность и это непонимание приводят к тому, что вы, пыхтя и потея, начинаете искать мотив и возможность, и знаете что – вы их непременно найдете. Почему? Потому что если было убийство, то мотив и возможность непременно найдутся. Проблема в том, что они столь же непременно найдутся и в случае, если убийства никакого не было. Если вы сейчас выйдете на улицу и вдруг упадете замертво, обещаю, что до конца дня я уже представлю

с десяток мотивов, по которым вас могли убить, и целый набор способов, которыми это могло быть сделано. А к утру у меня уже будет взвод подозреваемых, для каждого из которых будут готовы и мотив и возможность. Это всего лишь вопрос техники. В нашем же деле мы так или иначе и на мотив и на возможность должны будем выйти, но только тогда, когда меня убедят в том, что здесь именно убийство, а не суицид. И никак не раньше. Поэтому все тут и занимаются, как вы сказали, странными людьми.

– А как вам сейчас кажется?

– Сейчас мне кажется… Тебе, сынок, с этим еще сталкиваться не приходилось, так что сейчас ты услышишь кое-что неожиданное про свое начальство. Может тогда и задумаешься над тем, что и как докладывать. Вот смотри. Человека находят мертвым в наглухо запечатанной комнате. Человек непростой. Понятно, что к следствию сразу же повышенное внимание. И все равно даже сегодня ни одна живая душа не знает, кто – и главное – почему начал тут же сливать информацию в прессу. Уже через неделю любой, кто читает газеты, знал, что полиция склоняется к версии самоубийства. В этом ничего необычного нет – такое, хоть и нечасто, но бывает, но обычно тут же начинают искать, кто в полиции оказался таким разговорчивым и почему. И находят. А тут не только не нашли, но и не искали – можешь сам посмотреть файлы. Дальше еще непонятнее. На коронерских слушаниях эксперты расходятся во мнениях: один говорит, что повесился сам, другой – что повешен. Или сначала задушен, а потом повешен – не так уж важно. Полиция таскает туда-сюда дверь, объясняя, что снаружи ее открыть никак не возможно, если она заперта изнутри. Предположим. Однако коронера убедить не удается, и он выносит открытый вердикт. Не убийство, не самоубийство, а невесть что. Что должна сделать полиция после такого вердикта?

– Ну… продолжить расследование…

– Например. Но еще она может подвесить это дело, если считает, что свою работу провела досконально. А что не получилось с коронером – бывает. Сам небось знаешь случаи, когда так и происходило. А?

– Ну… да…

– Вот. Именно это мы и наблюдаем. Полиция подвешивает расследование. То-есть, по большому счету засовывает всю эту историю в дальний пыльный угол, откуда ее никто и никогда не вытащит. Пока что все как обычно. И вдруг – на тебе! Ни с того, ни с сего сама же полиция вдруг возвращается к этому делу. Почему? Новые факты появились? Опять же – посмотри файлы: ни одного нового документа, ни одной экспертизы, ни одного протокола показаний. Ставлю сто фунтов, что на Скотланд Ярд просто надавили сверху. Хочешь поспорить?

– Нет.

– И правильно. Потому что если бы не давили, а просто что-то убедительное появилось, про что мы не знаем, полиция никогда бы не выпустила это из своих рук. А что сделал твой родной Скотланд Ярд? Вызвали с пенсии четырех старичков, сунули им тебя для прикрытия, дали бюджет и полномочия. Не хотят пачкаться. Что бы мы здесь ни натворили, полиция ни при чем. Запомни, сынок, они хотят, чтобы мы любой ценой доказали, что это было убийство. Им, вернее тем, кто на них жмет, позарез нужно, чтобы мы именно это и сделали. Здесь уже политика, а не сыск.

– Я не понимаю… так что вы?… Вы считаете, что это было самоубийство?

– Я ничего не считаю. И – нет! – я не собираюсь заниматься саботажем. Мне поручено расследовать – я расследую. Что там дальше будет происходить – мне наплевать. Скажут, чтобы шли до самого конца – пойдем до конца. Скажут, чтобы сворачивались – вернусь в свой сад, буду ухаживать за пионами. Но пока я занимаюсь этим делом, только я буду определять, что, как и когда надо делать. Тебе ведь говорили, что у меня сволочной характер? Вот и посмотришь, насколько он сволочной. Мне много лет, сынок, и у меня есть какая-никакая репутация. Поэтому хорошо бы, чтоб у меня под ногами никто не путался. Это я твоего босса имею в виду. Вообще-то мне плевать – мы с приятелями можем хоть завтра свернуть всю эту лавочку, – но лучше, чтобы никто не путался. Понятна моя мысль?

– Но… я ведь не могу… я должен в отчетах писать, что есть на самом деле…

Дон вернулся в кресло, сложил руки домиком и удовлетворенно улыбнулся.

– Сынок, когда ты меня называешь мистером Беннетом, то как-то выбиваешься из компании. Зови меня по имени, как все. А насчет отчетов – неправду писать не надо. Никогда не надо. Только правду. Всю правду и ничего кроме правды. Я всего лишь хотел бы, чтобы ты к происходящему здесь относился с пониманием. С благожелательным пониманием. И тогда у твоего босса сильно улучшится настроение. Не сразу, но постепенно. Однако это тебе решать. А теперь пойди – напомни мальчикам, что перерыв заканчивается.

ГЛАВА 5

ГОВОРИТ БОРИС КЛЕЙНДОРФ, ВРАЧ-ТЕРАПЕВТ

Молчать о Мортимере?

Проклятье! Буду говорить о нем!

Пусть не видать мне рая, если я

Его не поддержу!

В. Шекспир «Генрих IV», ч.1, акт 1, сцена 3

…а у меня почти все пациенты – русские, русскоязычные. Как правило – состоятельные; им удобно про свое здоровье разговаривать на родном языке, и они готовы за это платить, знаете ли. И они не любят ждать: если нужно какое-нибудь исследование или попасть на прием к специалисту, я всегда могу позвонить напрямую и сказать, что дело крайне срочное, и принять надо сегодня, а лучше прямо сейчас. Так что у меня неплохая практика, знаете ли. Есть, конечно, и проблемы: многие тут друг друга сильно недолюбливают, поэтому надо так исхитряться, чтобы они у меня в приемной не встретились…

…Эд Иглет? Игорь Летов – вы имеете в виду? Ну а как же! Да… страшная и неожиданная смерть, очень-очень жаль. Скажите, а что-нибудь прояснилось в конце концов? Писали, что это самоубийство, но мне как-то не верится, знаете ли. Непохоже на него…

…а он-то как раз моим пациентом и не был, так что здесь вам, можно сказать, повезло, потому что иначе я с вами говорить бы не стал, медицинская тайна, знаете ли, если у вас есть судебный ордер, то вы можете получить данные о пациенте, но я бы все равно ничего комментировать не стал, знаете ли. Но он не был моим пациентом. Ну, то-есть, если между нами… у него были кое какие хронические заболевания, и я время от времени выписывал ему соответствующие лекарства. Чисто в профилактических целях. Он звонил, говорил, что ему надо, я отправлял рецепт. А так он несколько раз присылал ко мне своих знакомых девушек, но это между нами, а сам ни разу не обращался…

…нет-нет, я их имен не помню, совершенно не помню, как я уже сказал, вы можете поговорить у нас в регистратуре, но боюсь, что без ордера они вам ничего не скажут. Их было несколько, в разное время, но все не отсюда. Я так понимаю, что они просто приезжали к нему погостить. Из бывшего Союза. Он мне звонил, просил проконсультировать, – я принимал пациентку, а счет отправлял ему. Ничего серьезного, насколько я помню…

…мы с ним встречались, но просто так, поужинать или выпить по бокалу вина. Я у него даже на дне рождения был, на юбилее. Да-да, на том самом, в поместье. Это, знаете ли, было потрясающе – даже не представляю, в какую сумму ему этот праздник влетел: полторы сотни гостей, если не больше…

…а вы знаете, что у него была какая-то странная ненависть к любым компьютерам? Он однажды, когда мы еще только познакомились, зашел ко мне в клинику. Просто так – поболтать. У меня в кабинете стоит компьютер. Он его увидел, как-то даже побледнел и попросил занавесить экран. И сел специально спиной к нему, чтобы не видеть. Я спросил – в чем дело, а он сказал, что совершенно не выносит эту технику, и что дома у него ни одного цифрового устройства нет. И вы знаете – это чистая правда! Я несколько раз был у него

в гостях и специально проверил – ни одного! У него дома, там, где все случилось, есть пристройка для прислуги и охраны – вот там компьютер стоит, а в основном здании – нет. У него даже телефон мобильный был совершенно допотопный, по которому можно только звонить и отправлять текстовые сообщения. Или в ресторане, например. Вы замечали, наверное, что когда русские садятся за стол, они всегда выкладывают перед собой мобильные телефоны или планшеты, так вот он этого совершенно не переносил, сразу же просил убрать в карман…

…нет, никаких признаков депрессии я не замечал, хотя я не психиатр, но… нет, ничего такого. Однако же… знаете ли, я вспомнил одну вещь. Возможно мания преследования в какой-то форме. Хотя русские, которые здесь, они все немного, знаете ли, как это сказать… одержимы проблемой личной безопасности, но в его случае это, все же, было как-то уж слишком. Вы слышали про камеры наблюдения? Да нет, не вообще про камеры наблюдения, а у него в поместье? Нет? Ну как же! Он, незадолго до смерти, установил у себя несколько камер. С круглосуточной записью. А территория там не такая уж большая, по русским меркам…

…у него много очень такого было в характере, как вам объяснить… Какой-то патологической тяги к публичности. Любил быть на виду, чтобы о нем все время говорили. Хотя с его капиталами и биографией он и так все время находился в центре внимания, но ему мало было. Поэтому он часто устраивал всякие необычные штуки. На свою лекцию в Чатэм Хаус пришел в тюремной робе. А вы про овечек знаете? Ну как же! Как только ему дали убежище, он сразу начал хлопотать, чтобы стать фрименом Лондонского Сити. Год, наверное, этим занимался, а как только получил грамоту, так сразу же вышел на Лондонский мост и погнал с южного берега Темзы на северный стадо овец. Это одна из привилегий фрименов – им можно гонять овец по Лондонскому мосту. Им еще можно бродить по Сити с обнаженной шпагой – так что вы думаете? В ту же ночь он появился в Сити при шпаге и орал песни, а когда вызвали полицию, предъявил грамоту. Пресса его просто обожала за эти выходки. Во время Хэллоуина на Трафальгарской площади в картонном танке и в маске Путина, представляете? А вот, на том самом юбилее, он устроил одну штуку, но ничего не получилось, и он так расстроился. Знаете про это? Ну как же! Ему очень этот фильм нравился, «Властелин колец». Там в первой серии, знаете ли, день рождения Бильбо Баггинса, он произносит речь и, на глазах у всех, исчезает.

Там у него волшебное кольцо было, помните? Так вот, Игорь решил, что раз у него тоже юбилей, то и он исчезнет в самый интересный момент… Он, вообще-то, просил об этом не рассказывать никому, но уж ладно. Идея была такая. Перед десертом все выходят из замка на улицу смотреть фейерверк. Он встает на скамейку – там холмик такой был, маленький, а на нем садовая скамейка, что-то говорит, а с началом фейерверка исчезает. Растворяется в воздухе., как Бильбо. Все бросаются его искать, а его нигде нет. А через час он обнаруживается в совершенно неожиданном месте. Знаете где? За восемьдесят миль от замка, в Стоунхедже! Красивый такой розыгрыш замышлялся, только не вышло ничего. Потому что к началу фейерверка все уже здорово напились, и, когда он исчез – а он ведь и вправду исчез, он мне сам про это говорил и еще смеялся, что случилось чудо, а всем наплевать! – то этого просто никто не заметил. Ну он подумал-подумал и решил обратно материализоваться в том же самом месте, а со Стоунхеджем не связываться…

…нет, я понятия не имею, как он это устроил. Я ведь тоже, знаете ли, немного там выпил, поэтому и не видел, как он исчезал. Да и потом… Залп, вспышки света, музыка – все сразу уставились на эту огненную феерию. Никого же не предупреждали, что он собирается исчезать. А когда фейерверк закончился, – ну нет его и нет, и что? Отошел куда-то или с кем-то. Там, знаете ли, было с кем отойти. Все вернулись в зал, к десерту…

…он мне потом рассказал, где-то через полгода. Не помню, где мы с ним были, но там работал телевизор, и показывали программу с этим американским фокусником… Джейкобом Абрахамсом, знаете? Этот его знаменитый трюк, когда он усадил зрителей перед огромным занавесом с видом на Эйфелеву башню, а когда занавес подняли, то оказалось, что башня исчезла. Потом занавес снова опустили, опять подняли – а она уже стоит на месте. Он смотрел не отрываясь, а потом и говорит – а я так тоже умею, исчезать. Вот тогда он и рассказал мне, как хотел исчезнуть на своем юбилее и появиться уже в Стоунхедже, но исчезновения никто не заметил, поэтому от такого классного фокуса пришлось отказаться. Я спросил, как он собирался исчезать, а он сделал загадочное лицо и сказал что-то вроде – что умеет один, то умеют многие…

…буду рад помочь, чем смогу. Но я и вправду мало что знаю…

ГЛАВА 6

ГРУППА «ХОТСПЕР». РОЖДЕНИЕ

О сэр, вы дерзки и высокомерны,

А государь не может потерпеть,

Чтоб хмурил брови перед ним вассал.

Покиньте ж нас!

В. Шекспир «Генрих IV», ч.1, акт 1, сцена 3

Не то чтобы Дон не доверял Страуту – молодой человек ему скорее нравился, но он правильно понимал, что у Страута есть другой хозяин, и этому хозяину Страут будет служить верой и правдой. А вот с хозяином Страута, хоть именно он создал группу «Хотспер» и вызвал Дона из пенсионного небытия, Дон хотел – до поры до времени – делиться только специально отфильтрованными сведениями.

По всем мыслимым шкалам, по которым может измеряться качество человеческой личности, Дон нигде не выходил за оценку «посредственно»: он не был физически силен, обладал удручающе невзрачной внешностью, да еще к тому же рано облысел и растолстел, был безнадежен как собеседник, скучен как собутыльник, совершенно предсказуем как игрок в покер, равнодушен к футболу, крикету, гольфу и мало привлекателен для женщин. Возвышала и выводила его из ничтожества только профессия, в которой он неожиданным образом преуспел.

Свою карьеру в Скотланд Ярде Дон, как и полагалось, начал с самого низа и очень быстро продвинулся. Не потому что за ним числились какие-то

невероятные прозрения, позволявшие ему проникать в самую суть расследуемых преступлений, просто ему несколько раз подряд фантастически повезло. Возможно, что в глубине души он это и признавал, но ни с кем не делился, объясняя свою успешность исключительно собственной работоспособностью и повышенным вниманием к деталям. В разговорах с коллегами, но прежде всего с начальством, он любил ссылаться на некую изобретенную им лично фирменную тактику ведения следствия, как он ее характеризовал сам, – широким фронтом и глубокой вспашкой. За это его даже прозвали «бульдозером». Национальную известность ему принесло дело «риджуэйского мясника», после которого он окончательно уверовал в собственную исключительность.

То, что именно и только в сыскной профессии Дон как-то выделился, преодолев свою незначительность, сыграло роковую роль. Попросту говоря, он зазнался и почуствовал себя гением сыска. Первоначально он давил своей новоприобретенной гениальностью только на подчиненных, но со временем и с начальством стал обращаться совершенно непозволительно. И как-то незаметно сложилось общее мнение, что работать с ним становится все труднее и труднее, а лучше бы и совсем не пересекаться, так что его постепенно стали «оттирать» от новых дел, а со временем просто предложили уйти на пенсию.

Надо сказать, что против пенсии Дон и не возражал, успев к этому времени испортить отношения слишком со многими; он брезгливо выпятил нижнюю губу, рассовал по коробкам немногочисленные личные вещи, на устроенной в его честь вечеринке в «Игрушке и Обруче» выслушал прохладно-неискреннюю речь нового шефа отдела Роберта Кроули и практически сразу же, ни с кем не простившись, покинул собрание.

Квартиру в Патни он продал, купил маленький дом в Барнете, разницу в цене частично положил на депозит под три с половиной процента годовых и с головой ушел в возделывание садика площадью в четыреста квадратных футов. С соседями он практически не общался, ограничиваясь парой вежливых слов при встрече, покупал в местном отделении «Теско» продукты, «Таймс» и «Сан», подолгу гулял в парке, если не было дождя. Знакомств не заводил.

После первых нескольких месяцев на пенсии он затосковал. Не из-за одиночества, оно как раз было для него вполне комфортным, потому что избавляло от ощущения собственной неполноценности, а потому что воспоминания о временах, когда мнение его многое значило, а его дела

привлекали всеобщее внимание, – эти воспоминания так резко контрастировали с полной неизвестностью, в которой он оказался, что причиняли ему почти физическую боль. Много раз его посещало искушение раскрыть перед соседями свое инкогнито, заявить прямо или хотя бы намекнуть, что он и есть тот самый знаменитый Доналд Беннет из Скотланд Ярда, ну как же, тот самый, который поймал риджуэйского мясника и еще тройное убийство в Холби, вы же помните, но тут же возникал страх не то перед неизбежной публичностью, не то перед тем, что ни про мясника, ни про Холби никто так и не вспомнит, и после вежливо-безразличного «о! как интересно!» все пойдет, как и раньше. Это его и останавливало. Если бы рядом был кто-то из прошлой жизни, Ник или хотя бы Рори, и этот кто-то, зайдя в местный паб, проронил за кружкой, что вот такой необычный человек живет по соседству, – против этого Дон, наверное, ничего бы не имел, но только чтобы это произошло без его участия.

Однако же, ничего такого не случилось, и Дон продолжал прозябать в полной безвестности и в одиночестве. Он растолстел, обрюзг, стал все больше и больше пить. Чтобы соседям это было не так заметно, вступил в винный клуб «Санди Таймс» и еженедельно получал по почте ящик недорогого кларета, «Шато Флит Стрит», – приговаривал он, откупоривая очередную бутылку.

Неудивительно, что на исходе второго года пенсионного существования у него появилась серьезная одышка и начало прыгать давление. По ночам он стал просыпаться от сильного сердцебиения, долго потом ворочался и не мог заснуть. Вероятность того, что в один не столь уже отдаленный день он может не проснуться вовсе, его не пугала. Жить было больше незачем и скучно.

Но вдруг раздался телефонный звонок, и все изменилось.

Когда Кроули, нынешний начальник отдела убийств и тяжких преступлений, предложил пообедать в Королевском Автомобильном Клубе, Дон согласился немедленно.

Он даже и не помнил уже, когда в последний раз выезжал из Барнета, поэтому не рассчитал и оказался на станции Грин Парк без малого за час до назначенной встречи. Надо было как-то убить время, поэтому Дон прошел в парк, устроился на скамейке, огляделся по сторонам, достал из кармана пиджака плоскую фляжку и сделал первый большой глоток. Предстоящая встреча с прошлым будоражила, и надо было успокоить нервы.

Прежде всего, надо было морально подготовиться к встрече с Кроули.

Когда Кроули назначили начальником отдела, это для всех оказалось полной неожиданностью. В особенности – для Дона. Не то, чтобы он сам даже в потаенных мыслях претендовал на эту должность, но ожидалось, что новый начальник будет хоть как-то похож на старика Мидуэя, скончавшегося практически за рабочим столом, однако назначили Кроули, которого никто не знал, и информацию о котором, как только о назначении стало известно, пришлось выуживать в самых неожиданных местах.

В отличие от Мидуэя, Кроули сразу же установил некий барьер, отделявший его от сотрудников отдела: запросто зайти в офис к начальнику, чтобы поболтать о всякой всячине и между делом подписать пару бумаг мгновенно оказалось невозможным, приходилось записываться у секретаря, кратко излагая при этом цель визита к высокому руководству и примерную продолжительность предполагаемой беседы, поэтому Дон, посчитав такой стиль общения неприемлемым и оскорбительным для себя, контакты с начальником свел к самому минимуму, а для получения подписи посылал Рори Кларка.

Если во времена Мидуэя поступавшие от группы Дона отчеты о ходе расследований были подробными и даже цветистыми (Дон никогда не упускал возможность распустить хвост), то теперь они приобрели вызывающе телеграфный стиль. Естественно было бы ожидать, что новый начальник, ознакомившись с первой же подобной шарадой, немедленно призовет Дона для разъяснений, но этого так ни разу и не случилось. Что уж он там понимал про то, как обстоят дела в группе Дона, – неизвестно.

Такое пренебрежение со стороны начальства было просто оскорбительным. Сперва Дон высказывал свое недовольство осторожно и только среди своих, потом стал практически в открытую сеять смуту и за пределами группы – застигнутые в коридоре или выловленные в пабе сотрудники вежливо кивали, но особо критику начальства не поддерживали. Гневные филиппики Дона сотрясали воздух, но на этом все и заканчивалось.

Можно и даже нужно было предполагать, что рано или поздно сведения о пылающем факеле недовольства и мятежа просочатся наверх, и тогда Кроули просто вынужден будет выяснить, почему и с какой целью предпринята атака на его авторитет. Но и этого не произошло.

Просто в один нерадостный день Рори Кларк был письменно извещен о том, что Скотланд Ярд благодарит его за многие и многие годы самоотверженной службы, но не считает возможным далее умножать количество этих лет, в связи с чем с искренним сожалением предлагает ему отправиться на покой.

Тут уж Дон не стерпел и рванулся в кабинет к Кроули, где ни разу за все время его правления так и не побывал, но был остановлен в приемной, опрошен секретарем и отправлен по длинной траектории, закончившейся ничем.

Через пару месяцев пошли слухи про неизбежный и близкий уход Мэта Кризи.

Так уж совпало, что как раз в это время группа Дона закончила расследование загадочной смерти банкира итальянской мафии, информация об этом прошла в печать, и «Дейли Мейл» опубликовала большую статью с взятым у Дона интервью, на целую полосу. Вообще говоря, в этом никакого криминала не было, хотя на беседу с журналистом следовало бы получить санкцию руководства, но Дон, разъяренный потерей одного из лучших своих сотрудников и грядущей потерей еще одного, отнесся к этому сугубо формально – он просто оставил в секретариате Кроули соответствующую служебную записку, выждал два дня и, не получив никакого ответа, встретился с журналистом.

И это могло бы сойти с рук, но оказалось, что неделю назад тот же самый журналист говорил с Кроули по телефону, и тот сообщил ему, что следствие все еще продолжается, и о результатах ранее чем через месяц-другой говорить преждевременно.

Так что даже при не очень внимательном прочтении статьи в «Мейл» становилось совершенно очевидно, что руководство отдела мало что понимает в сыскной работе, в делах не особо разбирается и только вставляет палки в колеса и надувает щеки.

В результате Дон вылетел на пенсию сразу же после Мэта. Провожать его в паб «Игрушка и обруч» пришло неожиданно много народу, и именно там Кроули нанес Дону последний удар, когда, после слов о великолепных логических способностях Дона, преподнес ему от имени сотрудников и руководства отдела кубик Рубика.

Спустя полгода уволился и Ник Сторк.

****

Опустошив фляжку, Дон пересек Грин Парк и, мимо Сент-Джеймского дворца вышел на Пэлл Мэлл. Войдя в клуб, обогнул выставленный в холле Мазерати, какое-то время поизучал пловцов, передвигающихся по дорожкам бассейна за стеклом, после чего взглянул на часы и решительно подошел к облаченному в смокинг портеру. Тот заглянул в фолиант в кожаном переплете и направил Дона в ресторан на втором этаже.

Когда появился Кроули, Дон уже сидел за столиком и вертел в руке звякающий льдинками стакан джина с тоником.

– Рад тебя видеть, Дон, – скороговоркой произнес Кроули, кивнув официанту, – давно не виделись, ты совсем не изменился, прекрасно выглядишь…

Про себя он подумал: «обрюзг и опустился, сукин сын».

Промелькнувшее в его глазах выражение изумления и жалости Дон тут же поймал. «Ну и черт с ним» – подумал он с неожиданной злостью, – «черт с ними со всеми… в зеркало на самого себя посмотри – красить волосы начал…» Еще он отметил, что Кроули – совершенно неожиданно – вознамерился обращаться к нему по имени, ну ладно, тогда и он будет просто… кто? Роберт? Нет уж, ответом на «Дон» вместо «Дональда» будет просто «Боб».

За десертом Кроули перешел к делу.

– Есть несколько неожиданное предложение, Дон, я бы хотел, чтобы ты подумал, прежде чем отвечать. Ты что-нибудь знаешь про дело Эда Иглета?

Дон задумался. Имя не было незнакомым, что-то он читал в газетах – когда? год назад? раньше? – кажется, какой-то русский толстосум… нет, не помню…

– Впрочем, это не так важно сейчас, – прервал Кроули его размышления. – Если ты согласишься, то получишь всю информацию.

– А на что я должен согласиться? – спросил Дон, почувствовав, как заколотилось сердце: «позовут обратно? прямо сейчас? вспомнили?»

– Это дело не закрыто, – сказал Кроули. – Мы им довольно долго занимались, пришли к выводу, что был суицид, но коронер вынес открытый вердикт. Родных у покойного не было, так что на возобновлении расследования никто не настаивал, и дело просто повисло. Начинать снова возиться… мы и так сделали вполне приличную работу плюс обычные проблемы с ресурсами, ну, ты все это прекрасно знаешь. А сейчас есть такое мнение, что надо к этому делу вернуться.

– Появились новые данные?

Кроули нахмурился, вытащил из внутреннего кармана смартфон и стал совершать с ним какие-то манипуляции. Потом убрал аппарат и очень отчетливо произнес, глядя Дону прямо в глаза:

– Не появились.

Дон кивнул. Там, где русские, рано или поздно всегда вылезает политика.

– Предложение такое, Дон. Я хочу создать очень компактную группу, которая провела бы расследование практически заново…

– Приглашаешь вернуться в Ярд? – эта мысль мелькала у Дона несколько раз, но он отбрасывал ее как совершенно невероятную, так не бывает, но вдруг?

Кроули снова потянулся за смартфоном, но передумал.

– Мы еще сможем это обсудить, Дон, ты же понимаешь, что это не такой простой вопрос, но обещаю тебе, что мы к нему вернемся. Ты всегда можешь рассчитывать на мою поддержку, Дон…

«Ну да, особенно после того, как ты же меня и вышвырнул за дверь…»

– Я полагаю, о твоем возвращении будет легче говорить, если ты согласишься на мое предложение; если все хорошо сложится, я обещаю тебе, что мы это обсудим.

– А в чем предложение?

– Эта группа… она формально никакого отношения к Ярду не должна иметь. Человека три. Четыре, на крайний случай. Самостоятельный бюджет. В пределах разумного, само собой разумеется, но самостоятельный. И ты во главе.

– Вот это и есть самое интересное. Четыре почти года никто обо мне и не вспоминал, будто я уже на том свете – и вдруг! Почему я?

Кроули удивился, похоже, что вполне чистосердечно.

– Так ведь то дело итальянского банкира ты вел! Неужели не помнишь? Банкир мафии?

Ах вот они о чем! Да, Рикардо… Рикардо… как же его? черт с ним, впрочем; найден повесившимся под мостом через Темзу, все считали, что самоубийство, и только он заметил, что костюм покойника был совершенно мокрым, а дождь в ту ночь начался лишь к утру и намного позже установленного времени смерти.

– Значит, вас перестала устраивать версия самоубийства?

Кроули сделал вид, что обиделся.

– Мы просто решили провести расследование заново.

– А если я снова приду к выводу, что это суицид?

– Возобновим коронерские слушания. Попробуешь убедить в этом коронера. Надеюсь, что на этот раз получится. Ну как? Больше двух дней на раздумья я тебе дать не могу.

– Кто войдет в группу?

– Это ты решишь сам. Три человека. Максимум четыре. И еще одного мы к тебе откомандируем, для официального прикрытия. Базироваться будете в надежном месте, там есть все, что может понадобиться для работы.

Дон задумался.

– Скажи своим, чтобы нашли Ника Сторка, Мэта Кризи и Рори Кларка. Надеюсь, что они еще живы и не в параличе. Что я могу им обещать?

– Это из твоей старой группы? Которая как раз и занималась делом итальянца? Ну что ж, неплохо. Можешь предложить им те же деньги, которые им платили перед выходом на пенсию.

– Это было давно, еще до того, как ушел я. Надо добавить процентов десять. Инфляция, Боб, инфляция.

– Хорошо, – сказал Кроули, – я посоветуюсь. Думаю, что проблем не будет. Значит, можно считать, что договорились? Будет одно условие, Дон.

Дон вопросительно поднял брови.

– Я постоянно должен быть в курсе всего, что происходит. Давай условимся, что будем встречаться… ну, примерно раз в неделю. Но не в Ярде. Скажем будем вместе обедать или ужинать, и ты мне будешь рассказывать, как идут дела. Без всяких там рапортов, формальностей и всего такого. Ты ведь не против?

– Понятно, – сказал Дон, отметив про себя, что его способность писать отчеты Кроули, хоть и с опозданием в несколько лет, но все же оценил правильно, – Примерно раз в неделю. А этот твой парень, которого ты мне даешь для официального прикрытия, это не он сидит слева от нас? Что за игра в прятки, Боб? Позови его сюда.

– Я всегда считал тебя отличным полицейским, Дон, – Кроули растянул губы в улыбке, в которой чувствовалась некоторая напряженность. – Открой профессиональный секрет – как ты догадался?

– Закажи-ка мне стаканчик манзаниллы, Боб. Сейчас обеденное время, и ресторан, как ты замечаешь, полон. Свободен ровно один стол между нами и им, и бьюсь об заклад, что он так и будет свободен, пока мы не уйдем. Так что он – единственный человек здесь, которому видно нас обоих. Свой салат он съел еще полчаса назад, с тех пор заказал уже три чашки кофе и не торопится

уходить, хотя расплатился. И скажи ему, чтобы никогда не держал служебное удостоверение в одном кармане с бумажником. Официант его тоже засек, если это тебе интересно.

Кроули вздохнул.

– Пойдем в бар, там получишь свою манзаниллу. Его зовут Майкл Страут. Между прочим, он твой большой поклонник. Я вас в баре познакомлю.

ГЛАВА 7

ГРЕГ КИРШ. ПОКАЗАНИЯ

Там ты свое получишь назначенье,

Приказ и деньги на снабженье войска.

Страна в огне. Высоко враг парит.

Ему иль нам паденье предстоит.

В. Шекспир. «Генрих IV», ч.1, акт 3, сцена 3

«Мое имя – Грегори Натан Кирш, я родился в тысяча девятьсот семидесятом году в бывшем Советском Союзе, службу проходил в воинской части, расположенной на территории бывшей ГДР, в сентябре девяностого года я дезертировал из своей части, нелегально перешел границу и, оказавшись в Западной Германии, обратился в посольство Израиля с заявлением о репатриации.

Я служил в израильской армии с середины девяносто первого года по январь двухтысячного, после чего уволился в запас и поступил на работу в компанию

«Сигма», предоставляющую услуги в сфере индивидуальной и корпоративной безопасности.

В две тысячи восьмом году, когда я занимал должность начальника отдела индивидуальной безопасности, я получил письмо от ранее не известного мне мистера Игоря Летова, который пригласил меня приехать к нему в Лондон для обсуждения, как было сказано в письме, профессиональных вопросов, представляющих взаимный интерес. Это письмо пришло по обычной почте на мой служебный адрес и было написано от руки на бланке лондонской гостиницы «Лэйнсборо». Это меня сперва несколько удивило, потому что рукописные послания в деловой переписке уже много лет не используются. Потом, когда я уже познакомился с мистером Летовым, он объяснил, что сам он не пользуется компьютерами, а нанять секретаря у него еще не было времени, потому что вопросы личной безопасности имели первостепенную важность.

К письму прилагался чек из банка «Мидлендс» на сумму десять тысяч фунтов, которые покрывали стоимость авиабилета, проживание в гостинице, мои суточные и вознаграждение за три дня пребывания в Лондоне. Копия чека вместе с оригиналом письма была изъята полицией при обыске в моей квартире после смерти мистера Летова.

Мы встретились с мистером Летовым в офисе его лондонского адвоката мистера Джеймса Деланси, и мистер Летов сказал, что меня ему рекомендовали русские бизнесмены, пользовавшиеся в прошлом услугами «Сигмы», и что он хотел бы, чтобы я организовал его личную охрану в Соединенном Королевстве. Он предложил мне возглавить его службу безопасности, подобрать персонал и принять все необходимые меры для того, чтобы, как он выразился, он мог чувствовать себя комфортно. Мы оба говорили по-русски, но там была Джулия, сотрудница мистера Деланси, которая ему переводила содержание разговора.

Мы обсудили условия моей работы, и я согласился.

Численность созданной мною группы колебалась от пятнадцати до тридцати человек в зависимости от объема работы. Мы обеспечивали охрану лондонской квартиры мистера Летова и его загородного особняка, того самого, в котором он скончался.

Примерно через год мистер Летов предложил мне передать техническое руководство группой Норману Мэю из охранной фирмы «Инленд Секьюрити» с тем, чтобы я мог неотлучно находиться при нем, везде его сопровождать, информировать Мэя о всех его планах и передвижениях и координировать действия сотрудников. Он предложил значительно увеличить мое вознаграждение, мне были выделены комнаты в лондонской квартире мистера Летова и в его особняке, в эти комнаты были выведены сигналы со специально установленных тревожных кнопок и экраны камер видеонаблюдения.

С этого момента я и мистер Летов практически не расставались, за исключением редких случаев, когда он просил меня выполнить какое-либо особо конфиденциальное поручение.

За последние месяцы мистер Летов серьезно изменился. Пока в суде рассматривался его иск к правительству России, он неоднократно говорил мне, что непременно выиграет это дело, после чего Россия будет вынуждена заплатить ему четыре миллиарда долларов. То, что Россия отказалась исполнять решение суда, и ему надо теперь самостоятельно разыскивать и арестовывать российское имущество по всему свету, было для него серьезным и неожиданным ударом. Его финансовое положение сильно пошатнулось, и он уже не мог поддерживать тот стандарт жизни, к которому привык. У него начались нарушения сна, он стал раздражителен, часто впадал в депрессию. Отдаваемые им распоряжения стали противоречивыми, он отказывался выслушивать возражения, я был серьезно озабочен также провалами в его памяти, которые происходили все чаще, причем обратиться к врачам он отказывался категорически.

Я приведу пример.

За две недели до смерти мистер Летов распорядился увеличить число камер наблюдения на территории особняка. Раньше там было двенадцать камер – две на подъездных дорогах, четыре – в лесу за оградой, а оставшиеся шесть – по периметру. В самом здании камер наблюдения не было никогда. Мистер Летов приказал установить еще четыре камеры – одну перед крыльцом, и три – около гаражной двери. Места для этих камер и поле обзора для каждой из них он выбирал самостоятельно и мои возражения проигнорировал.

Мне показалось очень странным такое внимание к площадке перед гаражом. С точки зрения безопасности, панорамный обзор бетонированного пятачка

площадью в двадцать квадратных метров не имел никакого смысла, о чем я и сказал мистеру Летову. Но, как уже было сказано, он только отмахнулся и настоял на своем. Я полагаю, что это была совершенно неразумная трата денег, сособенно с учетом стесненных обстоятельств, в которых мистер Летов находился.

Еще один пример его странного поведения. Примерно в то же время, когда мистер Летов распорядился установить дополнительные камеры наблюдения, он приказал заменить дверь в ванную комнату, в которой впоследствии было обнаружено его тело. Раньше это была обычная дверь с рычажными ручками с обеих сторон и блокиратором внутри. Мистер Летов приказал заменить ее на новую, в которой вместо внутреннего блокиратора был толстый металлический засов, с дверными ручками никак не связанный. Также он потребовал, чтобы в эту дверь был вставлен банемский замок, но с замочной скважиной только изнутри. Я категорически возражал против этой замены, потому что при такой конструкции открыть дверь из спальни было бы невозможно, и в случае какого-либо инцидента пришлось бы высаживать дверь. Мистер Летов вел себя со мной очень грубо и даже пригрозил увольнением, если я буду продолжать подвергать сомнению его распоряжения. Еще он приказал заложить кирпичами окно, которое вело из ванной комнаты во двор особняка, и дополнительно установить на этом окне толстую металлическую решетку.

Такое поведение мистера Летова было совершенно нерациональным и внушало мне серьезные опасения относительно его психического состояния.

Утром, в день своей смерти, мистер Летов проснулся в половине девятого, позавтракал и приказал мне поехать в Лондон, забрать его знакомую девушку Светлану из гостиницы «Вестбери» и отвезти ее по адресу, который она мне назовет сама. После этого я должен был вернуться в особняк. Это означало, что примерно в течение двух часов мистер Летов будет находиться в особняке один, без охраны, потому что из-за его финансовых затруднений, поддерживать безопасность на том же уровне было невозможно. Обычно я избегал оставлять мистера Летова одного, но он настоял и только попросил меня полностью закрыть дом, потому что он никуда выходить до моего возвращения не собирается. Перед выездом я обошел дом, убедился, что все входные двери заперты, закрыл и запер ставни на окнах первого этажа.

Я выехал в десять утра, а когда уже был на окружной дороге, позвонил Светлане, сказал, что буду через полчаса, и попросил ее ждать меня в лобби

гостиницы. Я был чрезвычайно удивлен, когда она сказала, что она вовсе меня не ждет, что у нее с мистером Летовым была другая договоренность, и она уже едет в оплаченном им кэбе к месту встречи. Я спросил, едет ли она в особняк, но она ответила, что нет, и что они встречаются совершенно в другом месте, до которого ей еще добираться около часа. Это было просто невозможно, потому что в поместье ни одной машины больше не было, и ни к какому месту встречи мистер Летов добраться никак не мог. Я спросил, не перепутала ли она что-нибудь, но она ответила, что не перепутала, и что мистера Летова к этому месту отвезти должен был я. Она очень встревожилась, узнав, что я направляюсь в Лондон, и попросила меня срочно связаться с мистером Летовым и уточнить, кто и куда должен ехать.

На мой взгляд, этот пример убедительно показывает, в каком расстроенном состоянии находилась психика мистера Летова перед его смертью.

Я немедленно позвонил мистеру Летову на его мобильный номер, но телефон не отвечал. Тогда я развернул автомобиль и вернулся в особняк.

В холле на первом этаже я увидел мобильный телефон мистера Летова с двумя неотвеченными вызовами. Самого мистера Летова нигде не было, но, поднявшись в его спальню, я обнаружил, что дверь в ванную заперта изнутри. Я позвал его и, не получив ответа, выбил дверь и увидел, что мистер Летов лежит на полу без признаков жизни. Пощупав пульс, я убедился, что он мертв, спустился вниз и вызвал врачей и полицию.

До приезда медиков и полиции, а также в течение примерно двух часов после их появления, я постоянно находился в холле на первом этаже. Потом констебль предложил мне подняться вместе с ним в ванную комнату и указал на привязанный к перекладине для душевой занавески обрывок черной материи. Я опознал в этом обрывке кашемировый шарф мистера Летова. Вторая часть шарфа была туго затянута на горле мистера Летова, но на нем была черная водолазка, и поэтому я не заметил шарф, когда проверял пульс.

По требованию полиции я выдал им свой компьютер, оба мобильных телефона – служебный и личный, а также все записи с камер видеонаблюдения. Меня попросили также переодеться, и ту одежду, которая была на мне с утра, полиция изъяла для экспертизы. В протоколе допроса я указал, что считаю случившееся самоубийством, и привел примеры неадекватного поведения мистера Летова в последнее время.

Я полагаю, что самоубийство мистера Летова не было спонтанным актом, но планировалось им заранее. Только так можно объяснить произведенные им переделки в ванной комнате, цель которых теперь совершенно очевидна: забаррикадированное окно и неоткрываемая снаружи дверь ванной должны были исключить возможность постороннего вмешательства в тот момент, когда он решит свести счеты с жизнью. В последний момент он, очевидно, решил дополнительно подстраховаться и именно поэтому отослал меня из особняка под явно надуманным предлогом».

ГЛАВА 8

ГРУППА «ХОТСПЕР». ОПЕРА НИЩИХ

У меня припасены на этот случай клеенчатые плащи:

Они прикроют наше платье, которое им хорошо знакомо.

В. Шекспир «Генрих IV», ч.1, акт 1, сцена 2

– Так ведь он неплохо заработает, не так ли Рори? – поинтересовался Дон, глядя на монитор. – Место бойкое. Я ему немного завидую, Рори. А ты ему завидуешь?

– У меня ревматизм и эмфизема легких, – прокряхтел Рори. – Мне на тротуаре делать нечего. Тем более в такую погоду. И погаси сигарету, Дон. У тебя есть свой офис. А я здесь сплю, и из-за тебя всю ночь мучаюсь от кашля. Даже на улице слышно. Если бы я был лошадью, меня бы уже давно пристрелили.

Дон бросил недокуренную сигарету на пол, придавил подошвой, потом, поймав жалобный взгляд Рори, с трудом нагнулся, поднял окурок, огляделся и наконец засунул его в карман брюк.

– Знаешь, почему тебя еще не пристрелили, Рори?

– Потому что я очень умный?

– Брось! Это как раз лошади обычно бывают умными. А ты старательный. Мешок подготовил?

– Через час будет готов. Шредер паршивый, постоянно забивается. Я туда уже два раза лазил. Еще вот эти три пачки надо обработать.

– Откуда у тебя это? – спросил Дон, поворошив груду бумаги на столе.

– Мэт принес. У него в гараже навалом старых счетов. Осталось еще от прежних владельцев дома. Он их все собирался сжечь, но руки, как он говорит, не доходили. Здорово, когда в команде есть такой лентяй и неряха. Вот у меня в Чичестере все на своем месте, и ничего лишнего. Когда закончим эту историю, заедешь в гости, Дон? Я как раз в прошлом месяце перекрасил гостевую спальню.

– Заеду, – ответил Дон и снова повернулся к монитору. – А этот, вроде как, новенький?

– Я насчитал четверых. Меняются каждые двенадцать часов – в восемь вечера и утром. Один отходит, и через минуту на его место приходит следующий. Одет точно так же, но обувка другая. Я по обувке засек.

– И так уже третий день?

– Третий.

– Хорошая работа у ребят. Ну ладно. Закончишь резать бумагу, сложи все в мешок и отдай Нику. Вчерашний мешок они во сколько забрали?

– Сразу же. Тут у них где-то еще один пост есть. Вчера Ник вынес мешок около девяти, когда все уже расходились. Через пять минут из-за угла вывернул какой-то, забрал мешок и быстренько ушел по Ректон Роуд в сторону подземки. Так что еще один пост – это точно. И сдается мне, что у них рации. А может это все же

люди Кроули?

– Нет, – сказал Дон. – Непохоже. Про наши дела Кроули и так все знает, ему ставить топтунов незачем. Тебе как тут спится, Рори? Когда они разберутся, что мы им в мешках подсовываем, могут здорово рассердиться. Знаешь, я попрошу Кроули, чтобы поставили поближе парочку крепких ребят на всякий случай.

– Ты прямо сейчас к нему едешь?

Дон кивнул.

– Должен появиться юный Страут с отчетом по Ирландии. Пусть дождется меня. Закончу с Кроули и сразу обратно. Как я выгляжу?

Рори придирчиво оглядет Дона и хмыкнул.

– Очень неброско. На фоне любой помойки будешь практически незаметен.

– Вот, – провозгласил Дон, – спокойное достоинство пенсионера. Был бы ты на службе, скорее откусил себе язык, чем сказал подобное начальнику. Пенсия – единственно подходящее состояние для подлинного британца. Только на пенсии мы ощущаем себя достойными потомками Оливера Кромвеля и прочих великих.

****

Сообщение о подозрительных нищих на Ракстон Роуд не на шутку встревожило Кроули. Пришлось рассказать во всех подробностях, несколько раз возвращаясь к самому началу. В целом, конспиративная квартира была устроена почти идеально: одна наружная стена выходила на непроезжую Ракстон Роуд, а вторая – на уставленный лотками рынок, так что припарковать напротив окон начиненный аппаратурой фургон или микроавтобус было просто невозможно. Короткий путь от калитки до зеленой двери находился под прицелом камеры наблюдения, а несанкционированные манипуляции с находящимся за зеленой дверью кодовым замком немедленно приводили к тому, что у красной лампочки в полицейском участке на Лилли Роуд начинался приступ веселого подмигивания, а от Лилли Роуд до Ракстон Роуд не более двух минут.

Первое появление нищего в серой балаклаве, мешковатых черных джинсах и грязно-белых кроссовках Рори немедленно зафиксировал, но доложил только вечером, когда кроссовки волшебным образом поменяли цвет и фасон. С этой минуты все внимание уже было обращено на гостя.

– Не удалось проследить, куда понесли мешок? – спросил Кроули.

– Нет. Но есть одна идея. У тебя на смартфоне есть карта этого места? Можешь ее вызвать, а то я не умею с этими модными штуками обращаться? Смотри. Он ушел по Рактон Роуд. Здесь, в конце улицы, не доходя до Т-образного перекрестка, установлен шлагбаум. Перекрывает въезд. Я думаю, что за шлагбаумом они поставили машину. Вряд ли стали бы таскаться по Лондону с черным мешком для мусора – очень уж бросается в глаза. А раз здесь шлагбаум, то где-то совсем рядом должна быть и камера. Запроси вчерашние картинки с этой камеры, так примерно с половины девятого вечера до десяти. Если камера не работала или еще что-то, мы на сегодня приготовили второй мешок. Хорошо бы для верности чтобы вечером в этом месте покрутился кто-нибудь из твоих плоскостопых.

Кроули кивнул и уставился в окно. Через минуту он сказал:

– Я ни черта не понимаю. Про твою группу знают всего три человека. Ну четыре. Сюрприз, прямо скажем. Я бы еще мог предположить, что вы своими расспросами кого-то сильно потревожили, но… И история давняя, тухлая, да и вы ведь еще не приступали толком, если я правильно понимаю. Или есть что-то, про что я не знаю?

– Про все знаешь.

– А ведь я, – сказал Кроули, – хотел с тобой серьезно поговорить. Три недели как группа вроде как занимается этим делом. Но не только результатов никаких не видно, но и ни про какие действия, направленные на их получение, мне неизвестно. И все же кого-то ты зацепил, хотя, черт побери, не понимаю – кого. Дон, что ты знаешь такое, про что не знаю я?

Дон пожал плечами.

– Ты, скорее всего не знаешь, какую часть твоих файлов мои ребята уже прочли. Так этого и я не знаю, потому что брифинг по файлам у нас не каждый день. А с кем встречались и о чем беседовали, знаешь прекрасно. Юный Страут – мальчик старательный и докладывает, ничего не упуская, так?

– Ты считаешь, что это из-за «Примаверы»?

– «Примавера», – ответил Дон, – это просто первая очевидная дыра в полицейском расследовании. Совершенно, как мне казалось, несущественная. И пойми, Боб, я никого не собираюсь упрекать, такие вещи случаются сплошь и рядом. Счет из ресторана был изъят только на третий день, в понедельник, приобщили к делу и забыли. И если бы не статья Баскета, про счет никогда бы и не вспомнили. Ты запись беседы с ним хорошо помнишь? Если речь идет о самоубийстве, то первым делом надо внимательно изучить все, что происходило с жертвой в последние дни и часы перед смертью. Просто Баскет когда-то читал учебник по криминалистике. А твои молодцы взяли показания у этого охранника, Кирша, поломали голову над дверью в ванную и ушли довольными. Я бы тоже ушел довольным, Боб, вместе с ними, но когда расследование открывается заново, тут уж мелочей не бывает. Поэтому я и отправил Ника Сторка и юного Страута сперва поговорить с Баскетом, а потом в «Примаверу». И тут уж всего два объяснения есть, почему нами вдруг так заинтересовались – либо кто-то из твоих начальников почему-то знает про это дело сильно больше, чем положено…

– Исключено, – перебил его Кроули. – Про группу знают только три человека. Ну, четыре, считая человека из казначейства. Про место вашей дислокации – только я и Страут.

– А люди из участка на Лилли Роуд?

– Они вообще ничего не знают, только адрес, по которому нужно срочно выезжать, если срабатывает сигнализация. У них этих адресов – несколько десятков. Ваша точка ничем не выделяется.

– Тогда, Боб, у меня для тебя две новости. Первая такая. Мы случайно напали на золотую жилу. В этой «Примавере» что-то сильно неладно. И достаточно оказаться где-то поблизости, чтобы тобой заинтересовались…

– Ты не слишком?…

– Смотри сам. Проходит год после смерти Иглета. Крис Мартин, журналист, приходит в «Примаверу» и долго разговаривает с официантом Паоло Брачини. На следующий же день Брачини бросает свою лондонскую квартиру, работу, и исчезает без объяснения причин. Ходят слухи, что он в Милане, только вот найти его никак не удается. В это же время Мартин отказывается продолжать работу над статьей про Иглета, тоже бросает вполне приличную работу и переезжает в Северную Ирландию. Сторк и Страут посещают «Примаверу» – за нами тут же устанавливают наблюдение.

– Однако Баскет тоже был в «Примавере», но он в Лондоне, и с ним все в порядке.

– Потому что ему ни с кем в «Примавере» поговорить так и не удалось, кроме босса, а тот ничего интересного ему не сообщил. И второй официант, которого раскручивал Страут, – ты видел его показания? Ему Брачини строго-настрого запретил с кем-либо разговаривать про Иглета, припоминаешь? Он в кофейне отсиживался, пока Баскет находился в ресторане.

– Предположим, – согласился Кроули. – Вполне вероятно. А другая новость какая?

– А другая новость вот какая, – объявил Дон. – Никакое это не самоубийство. Вокруг самоубийц такой активности не происходит. Самоубийцы – клиенты тихие. Это, бьюсь об заклад, чистое убийство, хотя я и не представляю себе, как оно могло произойти.

– Я могу доложить наверх о твоих соображениях?

– Не надо пока. Помочь мне оттуда вряд ли смогут.

– Какие у тебя сейчас планы? Что будем делать с Брачини и Мартином?

– Если честно, то понятия не имею, – признался Дон. – Ну с Мартином все более или менее понятно – попроси в Белфасте, чтобы за ним как следует присмотрели, но не в открытую. Нам здесь про него временно придется забыть.

А Брачини… Лучше всего будет, если ты просто предупредишь своего итальянского приятеля из прокуратуры, что Брачини нам больше не интересен. Только это надо делать немедленно.

– По-прежнему не веришь итальянцам?

Дон кивнул.

– Не особенно. Очень уж разговорчивы.

****

Вернувшись на Ректон Роуд, Дон остановился около нищего. Тот сидел на расстеленном на тротуаре рваном спальном мешке, поджав ноги и опустив голову на грудь. Перед ним стоял бумажный стакан из Макдональдса с мелочью. Когда брошенный Доном двухпенсовик звякнул об асфальт, нищий поднял голову. Низко надвинутая балаклава продолжала скрывать его лицо, но Дону вдруг стало не по себе. Нищий пристально рассматривал его из-под капюшона.

– Не отморозь задницу, придурок, – посоветовал Дон и направился к калитке, но тут нищий его окликнул:

– Старикан, подойди сюда.

Дон повернул голову.

– Много подаешь, – сказал нищий. – Не скупишься. Возьми сдачу, – и он вытянул ладонь, на которой блестела однопенсовая монета. – Возьми. Тебе пригодится. А то ведь скоро тоже окажешься на тротуаре.

ГЛАВА 9

ГРУППА «ХОТСПЕР». НЕПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Себе во благо обращу я злое

И, всем на диво, искуплю былое

В. Шекспир «Генрих IV», ч.1, акт 1, сцена 3

К полуночи от Кроули пришла срочная информация, что камера у шлагбаума, на которую возлагались определенные надежды, вчера, по совершенно непонятным причинам, отключилась сама собой, причем как раз в то время, когда, по расчетам Дона, человек с черным мешком должен был находиться где-то в том районе. Единственным светлым пятном было то, что Кроули успел направить к шлагбауму двух оперативников, и они зафиксировали черную «Хонду», припарковавшуюся поблизости около девяти вечера и поспешно уехавшую минут через двадцать после того, как с Доном случился приступ благотворительности.

Кроули сказал, что перезвонит, когда владелец «Хонды» будет установлен, но особых надежд на какой-либо результат Дон не питал, потому что номер машины вполне мог быть фиктивным.

У Рори Кларка, в отличие от юного Страута, не было обязательств перед Кроули. А перед Доном – были, поэтому отредактировать картинку с камеры, зафиксировавшей короткий контакт Дона и нищего, Рори предложил сам, как только стало очевидно, что Дон спугнул наблюдавших за квартирой. Вынесенный Ником второй черный мешок никого уже не заинтересовал, и мешок так и провалялся на тротуаре напротив всю ночь, пока его не загрузили, вместе с горой других таких же мешков, в фургон-мусоросборник.

Помрачневший Дон, хотя и не подавал виду, клял себя за непрофессиональное поведение, но поправить уже ничего было нельзя. От предложения Рори он отказался, попросив его только держать язык за зубами, – камеры вокруг конспиративной квартиры были установлены для удобства ее обитателей, а не для того, чтобы начальство могло их контролировать.

Кроме того, юный Страут вернулся из Белфаста практически с пустыми руками: по первому адресу из тех, что удалось получить у Юстаса Баскета и его шефа, находилась пакистанская семья, ничего о Крисе Мартине не слышавшая, а у своего бывшего сокурсника Мартин прожил три месяца, сказал, что думает перебраться на континент, после чего исчез. Все это время он активно пользовался своей дебетовой карточкой банка ЭйчЭсБиСи, снимал наличные, пока не опустошил счет, кредитка Американ Экспресс заблокирована, так что определить его местонахождение по банковским выпискам не представляется возможным. В списках авиапассажиров в сторону континента Мартин не значится, в списках пассажиров пароходных компаний – тоже. И вообще есть некоторые основания считать, что он находится в Англии – бывший сокурсник любезно разрешил ирландскому коллеге Страута немного покопаться в своем компьютере, и там обнаружилось месячной давности письмо Мартина, в котором ничего интересного не было, но отправлено оно было из Сент-Дэвидса.

– Где это? – спросил Дон. – В Уэльсе? Что-то знакомое…

– Самый маленький город в Британии, – сказал Мэт Кризи. – Меньше двух тысяч жителей. И туристов примерно столько же. Самый крайний запад. На побережье сплошные скалы. Викинги там любили почему-то высаживаться, но как они в полном вооружении на эти скалы поднимались – непостижимо.

– Это ты со школы помнишь? – поинтересовался Дон.

– Практически да, – согласился Мэт. – А еще у меня там кузен работает в местной полиции. Не дает забыть.

– Ты знаешь, как с ним связаться?

– Ну а как же, – сказал Мэт.

– Давай прямо сейчас же позвони ему. У нас есть фотография Мартина? Отправь фотографию. В самом городе он вряд ли остановился. Надо искать там, где обычно крутятся туристы – на караванных стоянках или в палатках на берегу. Пусть найдут и не спускают с него глаз. Утром будет подтверждение из Скотланд Ярда. Вы двое – это Нику Сторку и Страуту – можете собираться в дорогу. Как только его найдут, отправляйтесь в Уэльс и попробуйте уговорить его вернуться в Лондон. Майк, ты можешь ему сказать, что расследование

возобновлено. Обещайте ему что хотите, но он нужен здесь срочно.

– Он не поедет, – сказал Ник. – Он в бегах. Его кто-то сильно напугал.

– Обещайте круглосуточную охрану.

– Плевать он хотел на эту охрану. Сколько он уже прячется? Без работы, без денег.

– Если мы его нашли, то те, от кого он прячется, найдут тоже. Вопрос времени. В Сент-Дэвидсе ему защиту обеспечить не смогут.

– Так из Сент-Дэвидса он может еще куда-нибудь перебраться, а уж из Лондона – вряд ли. Это он должен прекрасно понимать.

– Так что ты предлагаешь?

– Пусть отдаст свои записи. У него должна быть запись интервью с Паоло Брачини. На первое время обойдемся и этим. А в Лондон он не поедет. Тут нужно надежное место. Дон, ты помнишь нашего главного свидетеля в истории со взломом компьютеров? Мы его тогда вывозили в Шотландию, в Аргайл, на военно-морскую базу. У них охраняемый поселок, муха не пролетит. Вот туда он поедет. Может быть.

Дон нахмурился.

– Тогда была договоренность двух министерств. Вопросы национальной безопасности. А сейчас что? Русский самоубийца? Министерство обороны упрется.

– Дон, ты ведь не думаешь, что эта милая квартирка имеет к нашей службе хоть какое-то отношение? Можешь спросить у Кроули, если сомневаешься. Я уверен, что здесь без ребят из Темз Хауз[4 - Темз Хауз – штаб квартира британской контрразведки] не обошлось. Вообще вся эта история с возобновлением расследования какая-то тухлая, нам многого не говорят. Но раз уж здесь засветилась контрразведка, пусть они и договариваются с министерством обороны.

Дон, раздосадованный идиотским контактом с нищим, почувствовал прилив энергии.

– Значит так, мальчики. Кое у кого сегодня длинный рабочий день, так что слушайте внимательно и не перебивайте. Мэт, ты ищи своего родственника, а потом мы вместе посмотрим, что ты раскопал в телефонном биллинге. Рори, ты сегодня больше не нужен. Проверь еще раз камеры, нет ли новых гостей, и можешь укладываться. Майк, отправь сообщение своему шефу, что мне завтра надо с ним увидеться часов в восемь, и езжай отсыпаться. Ник, ты тоже едешь домой. Утром загляните оба в компьютеры – будет инструкция от тетушки Мэгги. Если, конечно, Мэт не наврал насчет кузена. На всякий случай, запомните. До Кардиффа добираетесь поодиночке, встречаетесь там на вокзале, берете машину и двигаетесь в Сент-Дэвидс. На месте еще раз заглянете в компьютеры – если удастся договориться с министерством обороны, дам знать. Если не удастся, выбейте из этого летуна его записи, предупредите местную полицию, чтобы присматривали за ним – и тут же обратно. Если с военными все получится, оставайтесь там, пока не приедет эвакуатор от Кроули. Сдадите с рук на руки – и сюда.

Еще при первой встрече с Кроули Дон, помимо прочего, поинтересовался, каким образом будет устроена компьютерная связь между членами группы. Не то, чтобы потребность в доступе к защищенной сети Скотланд Ярда воспринималась в то время как насущно необходимая, но она обеспечивала определенную статусность, к чему Дон всегда относился трепетно. Тогда Кроули отмахнулся: «зачем тебе это? попроси Рори, он что-нибудь придумает». Только Рори не надо было ничего придумывать.

Еще в те времена, когда все они были действующими офицерами Скотланд Ярда, наметилась тревожная тенденция: суд Олд Бейли стал благожелательно относиться к ходатайствам адвокатов, касающимся раскрытия всех материалов уголовных дел, в том числе и оперативной информации. Конечно юристы Скотланд Ярда значительную часть таких ходатайств отбивали, но только на основе инструкций, получаемых от полицейского руководства, которое, чтобы такие инструкции выдать, требовало к себе на стол весь массив оперативных данных. Стопроцентной уверенности, что в каждом конкретном случае удастся отбиться, не было, да и начальству не все было полезно знать, поэтому Дон поручил Рори что-нибудь такое изобрести, чтобы наиболее чувствительными сведениями его люди могли обмениваться с соблюдением всей необходимой секретности, но минуя центральную сеть.

Рори какое-то время посидел в интернете и завел страничку на сайте для пожилых. На этой странице некая Мэгги Кроуфорд семидесяти пяти лет эпизодически общалась с ровесницами, с которыми познакомилась на отдыхе в Норфолке в августе шестьдесят девятого года. Ровесниц было шесть, по числу подчиненных Дона, у каждой был пароль, с которым она могла заходить на страницу и оставлять там свои комментарии.

Посещать страницу норфолкского сообщества пенсионерок можно было только из интернет-кафе – использование служебных и личных компьютеров исключалось. Это никогда не было особо удобно, поэтому и применялось только в особых ситуациях.

Создание группы «Хотспер» реанимировало страницу, и теперь тетушка Мэгги время от времени сообщала приятельницам о своих планах и делах, а они сочувственно и с интересом реагировали.

Через полчаса Рори уже храпел на своей походной кровати, и его пришлось разбудить, чтобы тетушка Мэгги могла сообщить подругам, что завтра в двенадцать дня она будет в Кардиффе, где у ее любимой племянницы Марты помолвка. После этого он уснул снова, а Дон и Мэт начали разбираться с распечатками звонков с телефона покойного Эда Иглета. В первую очередь Дона интересовали все входящие и исходящие звонки в пятницу, непосредственно предшествовавшую смерти русского магната. Звонков было много, но все они были Мэтом опознаны и тщательно распределены по группам – в Россию, в Израиль, партнерам, девушке Светлане.

– Знаешь что, – сказал Дон, – давай положим рядом его распечатки и распечатки с телефона Кирша. Они в этот день были все время вместе. Вполне вероятно, что Кирш его с кем-нибудь соединял со своего телефона.

– Сделано уже, – проворчал Мэт. – Вот распечатки Кирша, а вот сводная таблица. И я сверил списки контактов. Они почти совпадают.

– А это что ты обвел красным?

– Это период с шести вечера до полуночи. «Примавера».

Дон потер глаза и распечатал новую пачку сигарет.

– Ты ощущаешь смертельную усталость, Мэт?

– Очень личный вопрос, – сказал Мэт. – У него может быть только одно объяснение. Ты хочешь предложить мне выпить. Да, я ощущаю смертельную усталость.

Дон вытащил из-за кресла у стены початую бутылку виски.

– Зачем ты полез к этому… у калитки? – спросил Мэт. – Чем он тебе помешал?

– Надоел, – буркнул Дон. – Твое здоровье.

– Так они хотя бы на глазах были. А теперь…

– А как ты думаешь, Мэт, что они делают со вчерашним мешком? Не знаешь? Ну так я тебе скажу. Они уже сутки складывают бумажные полоски из шредера – одну к другой, одну к другой. И почти все уже сложили, так мне кажется. Так что они уже прекрасно знают, что мы их раскусили и подсунули ложную приманку. Поэтому я им ничего нового не открыл.

– Все равно ты это зря сделал, – не согласился Мэт.

– А вот и не зря! Они ведь наружку сняли мгновенно. Почему? Потому что испугались, что сейчас появится полицейский наряд. А это для нас очень важно. Были бы это люди Кроули – их полицией не напугаешь. Так что мы теперь знаем, что Кроули тут ни при чем. Уже кое что.

Это объяснение пришло в голову Дону только сейчас, и, найдя для своего неосторожного и даже неумного поступка логическую подпорку, он даже повеселел и долил в стаканы еще виски.

– Рассказывай, что выкопал.

– В 8.47 с телефона Иглета ушло текстовое сообщение. Вот оно. «Увидимся?». Номер абонента не зарегистрирован, сим-карта с предоплатой. Локация – Сити, район Шепердесс Уолк. Потом, в 8.51, с другого номера, уже на телефон Кирша.

«Где ты, милый? Я соскучилась». И тут же исходящий звонок с номера Кирша, продолжительностью сорок две секунды. На этот раз абонент в районе Итон Сквер. Тоже сим-карта с предоплатой.

– И?

– Все. Больше ничего. Это два разных абонента. Один контактирует с Иглетом, второй… вторая – с Киршем. Когда полиция допрашивала Кирша, он объяснил, что за неделю до этого познакомился с девушкой по имени Джоан где-то в Южном Кенсингтоне, они мило провели время, обменялись телефонами, но с тех пор встретиться так ни разу и не удалось. Был очень занят. Полицию это вполне устроило.

– А тебя?

Мэт пожал плечами.

– Меня бы тоже устроило. Я понимаю, какая у тебя версия, и почему ты так вцепился в этот вечер в «Примавере», но наличие за ужином еще одного человека не дает оснований сомневаться в показаниях Кирша. Обрати внимание, что в полиции его про это не спрашивали. Вот если бы он сказал, что за ужином русский был один, тогда – да. Но его про это не спрашивали.

– И где сейчас эта Джоан?

– Понятия не имею. И никто не знает. Если бы тогда, по горячим следам, полиция ей заинтересовалась, то… А сейчас этот номер уже заблокирован, так что у нас нет ничего, кроме имени. Впрочем, обнаружилась странная вещь. Может, это ничего и не значит, но… Понимаешь, Дон, эта самая Джоан, или как ее там, приобрела свою сим-карту ровно в ту самую пятницу, когда Иглет ужинал в «Примавере». Не знаю уж, какой номер она диктовала Киршу за неделю до того, когда они познакомились, но точно не этот. Погоди, не возбуждайся. Я же говорю – это может ничего и не означать. Она могла потерять телефон, купить новый. Она могла воспользоваться чьим-то телефоном. Все что угодно могло быть.

– А текстовое сообщение, которое она отправила Киршу, оно подписано? Там сказано: «сгорающая от страсти Джоан»? Там же подписи нет! Каким это

образом Кирш мог догадаться, кто это по нему соскучился, если этот номер он никогда в жизни не видел?

– Дон, я не думаю, что за это надо так уж цепляться. Мало ли как! Социальные сети, например. Если хочешь, он мог и не догадаться, кто это, а просто набрать номер и узнать, что это как раз его знакомая недельной давности. Совершенно обычная история. Попробуй просто представить себя на его месте. Шеф ужинает, а Кирш сидит в этом закутке, где подают аперитивы, и делать ему совершенно нечего. Тут приходит сообщение от девушки. С незнакомого номера. Ты бы не набрал тут же этот номер просто из любопытства? Логично?

– Все логично, Мэт, все логично. Но единственное слабое место в полицейской версии самоубийства – это как раз последний вечер в «Примавере». А если принять во внимание, что именно до этого последнего вечера мы никак не можем добраться, то похоже, что здесь и кроется самое главное. Сначала исчезает Кирш. Ну ладно, израильский секьюрити – мало ли на какую службу ему удалось устроиться после того, как повесился его прежний работодатель. Я, правда, не слышал, чтобы таких брали в «Моссад», но всякое бывает на свете. Хорошо. Кирш исчез, будем считать, что по причинам уважительным и вполне невинным. Крис Мартин берет интервью у Паоло Брачини и тут же пропадает. Паоло Брачини дает Мартину интервью и тоже пропадает, да так, что найти до сих пор не можем. Его приятель, как его там… Каррера, до того напуган, что когда в «Примаверу» приходит очередной журналист, он прячется в соседней кофейне, лишь бы ему не задали какой-нибудь вопрос. Именно поэтому, Мэт, все, что происходило в «Примавере» и вокруг, имеет первостепенное значение, и просто логичные объяснения тут уже приниматься не могут.

– Что бы ни происходило в «Примавере», у нас висит одна-единственная, но довольно таки важная головоломка. Иглет находился в доме совершенно один – это раз. После того, как Кирш уехал из особняка, к дому никто близко даже не подходил, что подтверждают записи на всех видеокамерах – это два. Но если бы даже кто-то и был поблизости, в ванную он все равно не смог бы попасть, потому что она была, черт возьми, заперта изнутри, банемский замок и засов – это три. А если бы и попал каким-то чудом, то не смог бы выйти и заново все за собой запереть – это четыре. Не хочешь на время оставить «Примаверу» в покое?

– А я очень не люблю, Мэт, когда мне какую-нибудь историю рассказывают с середины. Что бы ни случилось на самом деле в доме, началось все это

вечером – за ужином в «Примавере» или после него, но вечером. Хотя ты совершенно прав – тут какая-то чертовщина. Над этой проклятой дверью в ванную комнату кто только не ломал голову, да и мне она покоя не дает. Еще и камеры эти, которые там понатыкали кругом, как будто специально. Как будто говорят нам – вот, ребята, убедитесь, что никто не входил, не выходил, даже не приближался. Мне кажется, Мэт, что с этой историей нам придется несладко. Тем больше причин начинать сначала. Широким фронтом, Мэт, широким фронтом и глубокой вспашкой. Ладно. На сегодня хватит. Можешь отправляться в свою берлогу. Или у тебя еще что-то есть?

– Есть, – признался Мэт. – Только я не знаю, что это. Посмотри. Может, у тебя какая-нибудь мысль появится.

Он пощелкал кнопками на своем компьютере и сделал приглашающий жест.

Белый минивэн был развернут к воротам, и все три камеры старательно фиксировали его заднюю часть. Примерно через минуту в кадре появился Кирш, распахнул кузовную дверь, достал из кармана куртки мобильный телефон. Еще через минуту рядом с ним оказался Иглет.

– Тебе налить еще? – предложил Мэт.

– Плесни, – ответил Дон, не отрываясь от экрана. – И сигарету прикури.

Минут через сорок запись закончилась.

– Обратил внимание? – спросил Мэт.

– На что?

– Ну как же… Примерно в середине записи. Когда Кирш загоняет минивэн в гараж.

– Ну и что с того?

– Дон! Проснись! Ты показания Кирша помнишь? Иглет послал его в Лондон, чтобы куда-то отвезти его девушку. Перед тем, как уехать, Кирш запер все

двери и окна первого этажа. Припоминаешь? Так вот – к началу этой записи он их уже запер. Потому что в конце записи он просто садится в машину и уезжает. Так?

– Ну так.

– Значит, к началу записи он уже знает, что ему на этом самом минивэне придется ехать в Лондон. Объясни мне, на кой черт ему понадобилось, постояв с Иглетом у машины, загонять ее в гараж. На двенадцать минут. А потом сразу же уезжать. Если тебе через четверть часа надо куда-то двигаться, и машина твоя уже стоит под парами, ты будешь ее загонять в гараж, чтобы практически тут же выгнать обратно?

– Зависит, – сказал Дон. – Если мне нужно в нее что-то погрузить, и это что-то находится как раз в гараже.

– В котором, как раз, ни одной камеры не стоит, поэтому мы эту версию проверить не можем. Кирш, между прочим, ни про какой груз не упоминает.

– А он вообще ничего лишнего не говорит, если ты заметил. Только крайне аккуратно отвечает на вопросы. Если его про это не спросили, то он и не обязан отвечать. И мне кажется, между прочим, что все это совершенно неважно. Сейчас… Что-то тут не так, но в другом месте. Промотай назад, туда где появляется Иглет. Тут ведь покадровый режим есть? Я скажу, когда надо будет его включить, а пока что давай в ускоренном режиме.

Кирш суетливо задергался в промежутке между минивэном и гаражной дверью, приложил к уху мобильный телефон, ткнул его обратно в карман и стал переминаться с ноги на ногу, через мгновение откуда-то сбоку возник Иглет в кожаном пальто с меховым воротником, они встали лицом к лицу, Кирш начал что-то объяснять, то и дело указывая левой рукой на открытую заднюю дверь минивэна, Иглет нагнулся, заглянул внутрь, потом кивнул головой…

– Стоп! – скомандовал Дон, – отсюда давай покадровый режим.

В несколько приемов Кирш нагнулся, протянул руку, рывками потащил из минивэна полуметровый рулон, достал и бросил на асфальт рядом с гаражной дверью. Видно было, как Иглет улыбнулся прежде чем одобрительно похлопать

Кирша по плечу. Потом он приподнял рулон, снова уронил его, о чем-то долго говорил Киршу, потом повернулся и ушел в гараж. Кирш ткнул рулон ногой, убрав его с дороги, и направился к кабине. Минивэн пришел в движение и исчез в гараже вслед за Иглетом.

– Теперь стоп, – приказал Дон. – Так и есть. Дальше неинтересно. Ну как, разглядел?

– Что?

– Мэт, что у тебя с глазами? Посмотри внимательно. Хочешь – перемотаем на начало и посмотрим еще раз. Этот минивэн битых двадцать минут был в кадре, с самого момента приезда Кирша, и все время его задняя дверь была открыта нараспашку. Что там было внутри?

– Погоди, – задумался Мэт и сморщил лоб. – Ничего. Там было совершенно пусто.

– Вот. А потом Кирш из совершенно пустого минивэна достает какой-то тюк. Секунду назад там ничего не было, а потом вдруг ниоткуда взялся этот рулон. Давай, перемотай обратно, посмотрим еще раз, как он его вытаскивает.

Дон и Мэт просмотрели кусок записи еще два раза, потом Дон откинулся в кресле и забарабанил пальцами по столу, глядя в потолок.

– Мы с тобой одинаково думаем, Дон? – прервал молчание Мэт.

Дон кивнул.

– Ты молодец, что обратил внимание на то, что Киршу никакой нужды не было загонять минивэн в гараж. Если бы не это, я бы тоже мог прохлопать эту штуку с рулоном. Зато теперь у нас есть ответы на оба вопроса. Кирш в этот день вел себя вполне логично и машину за десять минут до отъезда в гараж не ставил. И никаких тюков из нее не доставал. Просто кто-то очень хорошо поработал с записью. Она так смонтирована… Просто гениально смонтирована. Вся последняя часть, начиная с появления Иглета, была записана в другой день. А потом просто приделана сюда, чтобы никто не заметил, что в день смерти Иглета последние четверть часа записи исчезли. Если бы мы знали, что на самом

деле происходило перед гаражом в эти четверть часа… Как ты думаешь, кто это мог сделать?

Мэт помотал головой.

– Только не Кирш. У него не было времени. Это всего четверть часа, как ты сам сказал. За пятнадцать минут обеспечить такое качество монтажа… На всех трех камерах? Не думаю. Тут одно из двух – либо в доме у Иглета обитает привидение, умеющее профессионально работать с аппаратурой, либо…

– Да, – сказал Дон. – Вот именно. С этого я и начну свой утренний разговор с Кроули. Его люди хорошо поработали над записью. Я с самого начала чувствовал, что здесь что-то очень сильно не так. Эта история пованивает, Мэт. Нас толкают куда-то в сторону. Ублюдки.

ГЛАВА 10

ЛИГА ДЖЕНТЛЬМЕНОВ

В Англии осталось только трое порядочных людей, не угодивших

на виселицу, да и то один из них ожирел и начинает стареть..

Помоги им бог!

В. Шекспир «Генрих V», ч.1, акт 2, сцена 4

С самого начала эта история вызывала у Дона определенные опасения. Трюк с передачей расследования группе отставников на его памяти был применен дважды, и оба раза это было вызвано тем, что кто-то большой наверху хотел

знать правду, но при этом иметь монополию на это знание. В отличие от результатов официального расследования, которые всегда можно извлечь на свет божий, изучить, перепроверить, подвергнуть дотошному анализу, неофициальная деятельность, хоть и санкционированная, как бы не существовала, и результаты такой деятельности предназначались для весьма узкого круга лиц.

Это убедительно свидетельствовало о наличии политической компоненты, а в политике Дон не разбирался, занятие это не любил, и принял предложение Кроули просто потому, что любое занятие было лучше медленного пенсионного гниения в Барнете.

Весь предыдущий опыт Дона говорил о том, что Кроули, несмотря на свое высокое положение, в круг лиц, принимающих решения, не вхож и является всего лишь исполнителем воли вышестоящих. В этом и была главная странность – подменить видеозаписи могли только люди Кроули и по прямому указанию самого Кроули, потому что иначе не бывает, а это значит… Это значит, что Кроули играет в какую-то непонятную и очень опасную игру, против собственного высокого начальства, и группа «Хотспер» в этой игре выступает в качестве пешки, чьи передвижения по доске пока что ничем не стеснены, но решение пожертвовать ею может быть принято в любую минуту.

Несмотря на первоначальный порыв немедленно, в самом начале встречи, вывалить Кроули все, что он думает про махинации с видеозаписями, по дороге Дон передумал. Сфальсифицированные записи были козырем, который мог удачно сыграть в нужный момент, и преждевременно демонстрировать этот козырь вряд ли следовало.

– Страут мне передал, зачем ты хотел встретиться, Дон, – сказал Кроули. – У тебя был выключен мобильный, поэтому я… Я прошу прощения, Дон, я знаю, что так не принято, но поверь, что я просто сэкономил тебе и твоей команде кучу времени и сил. Короче говоря, я рекомендовал Страуту и Сторку отложить поездку в Уэльс. Она ничего не даст.

Хотя после фокуса с видеозаписями Дон мог ждать от своего бывшего шефа любой подлости, неожиданное и беспрецедентное вторжение в его сферу ответственности все же застало его врасплох. Он поперхнулся кофе, побагровел, закашлялся и стал беспомощно озираться по сторонам.

– Выпей воды, Дон, – невозмутимо предложил Кроули. – Я признаю, что поступил не по правилам, но частично ты сам виноват. Если бы ты меньше секретничал и чаще делился со мной своими идеями, этого бы не случилось. Дело в том, что с Крисом Мартином уже давно переговорили. Сторку и Страуту в Уэльсе просто нечего делать, более того – любые контакты с Мартином в настоящее время крайне нежелательны. В свое оправдание могу лишь сказать, что говорили с ним не мои люди. Более того – я сам про это узнал только сегодня ночью, после того как Страут попросил меня помочь с Аргайлом. Хочу познакомить тебя с одним джентльменом, он сообщит все детали.

Дон готов был поклясться, что еще мгновение назад никого, кроме его и Кроули, в комнате не было. Но рядом с ним уже стоял, опираясь на трость, человек в синей водолазке и поношенных грязно-белых вельветовых джинсах. Сильно поредевшие остатки волос были выкрашены в неестественно черный цвет, но густые брови и длинные висящие усы оставались совершенно белыми. Левый глаз был полуприкрыт и сильно слезился – пришелец постоянно промокал его платком, который доставал из-за обшлага темно-синего кардигана.

Он сел за стол, налил в высокий стакан минеральной воды, выпил залпом и тут же налил снова.

– Мой врач настаивает на восьми часах сна ежедневно, – сказал он в пространство. – У меня диабет. Восемь часов сна – непременное условие. А вы меня подняли посреди ночи, Кроули. У меня, помимо прочего, проблемы со сном, и если я просыпаюсь ночью, мне потом не сразу удается уснуть, и приходится проводить в постели пару лишних часов. От этого у меня ломается весь распорядок дня. Но хуже всего, если он не ломается, и рано утром мне все же приходится куда-то ехать, с кем-то встречаться… Как поживаете, Беннет? Да, я же не представился. Стивен Клейн.

– Темз Хауз? – уточнил Дон, довольный тем, что интуиция насчет происхождения дома на Ракстон Роуд его не подвела.

– Что-то вроде того, – уклончиво ответил Стивен Клейн. – Что-то вроде того, Беннет. До меня донеслось кое-что из вашей дружеской беседы, и я хочу поддержать достопочтенного мистера Кроули. Это я сегодня ночью в довольно жесткой форме посоветовал ему попридержать ваших людей и не допустить их появления в Уэльсе. И могу подтвердить, что он пытался сопротивляться, говорил, что без вашего согласия – никак, про корпоративную этику и все такое.

Сдался только после того, как я обещал ему немедленный телефонный звонок от высокого начальства. Я так понял, что он вас не смог ночью найти – ваш мобильный не отвечал. Вы крепко спите, Беннет? Завидую. У меня тоже раньше был очень крепкий сон. Мой покойный отец говорил, что нет ничего лучше двух-трех стаканчиков тодди на ночь – действует вернее любого снотворного. Я так и поступал, пока у меня не нашли этот чертов диабет. С тех пор неважно сплю. Но имейте в виду, Беннет, два-три стаканчика – это предельная доза. Если ее превысить, то здоровый восстанавливающий сон превратится в глухую отключку, после которой глаза красные, в горле саднит, и вообще жить не хочется. С вами такое бывало, Беннет? Впрочем, это не так уж и важно. Давайте к делу. Расскажите мне, на кой черт вам понадобился Крис Мартин.

– А вам?

– А нам, – спокойно объяснил Стивен Клейн, – он вовсе не нужен. Мы бы с удовольствием обошлись без Криса Мартина. Скажу больше, Беннет, если бы мистер Мартин вообще не родился бы, мы бы это постарались пережить. Но сейчас мы вынуждены руководствоваться исключительно гуманитарными соображениями, заботой о его благополучии. Дело в том, Беннет, что вокруг вашего Мартина крутятся всякие субъекты с весьма специфической репутацией. Они очень ревниво относятся к любым его новым контактам. Самые страшные ревнивцы, Беннет, это те, которые ревнивы без любви. Они часто совершают ужасные злодеяния. Именно поэтому мы предпочитаем ограждать мистера Мартина от ненужных знакомств.

– Но ведь мы как раз и хотели организовать его эвакуацию в безопасное место…

– Во-первых, он бы никуда не поехал, даже если бы вообще согласился говорить с вашими людьми. Дело в том, Беннет, что какое-то время назад ему было сделано чрезвычайно выгодное финансовое предложение. Не каждый журналист даже первого ряда получает подобные предложения, уверяю вас. Ему предложили написать книгу об истории рабочих кооперативов в Англии. Любопытно, не правда ли? Как вы себе представляете коммерческие перспективы подобного труда? Однако же ему были предложены деньги, которые он не смог бы заработать в своей газете и за пару лет. Половина уже выплачена. Кроме того, к нему приставлена пара типов, которые следят, чтобы ему никто не мешал, и чтобы его ни на миг не покидало вдохновение. Так зачем вам Мартин?

– Он начинал писать статью о самоубийстве Эда Иглета, – Дон решил сделать шаг навстречу. – Как раз перед тем, как исчез из Лондона. Меня интересует, сохранились ли у него какие-нибудь материалы. Записи интервью, например.

– Ого! – сказал Стивен Клейн. – Этого я не знал. Очень любопытно. Наводит на кое-какие мысли, между прочим. А что бы вы хотели у него выяснить, Беннет?

– Мне необходимо узнать, о чем он говорил с Паоло Брачини, официантом из «Примаверы». Это в первую очередь. Ну и все остальное, что у него есть.

Стивен Клейн уставился в окно и надолго замолчал, потом повернулся к Дону.

– Скорее всего, Беннет, у него ничего уже нет. Ни диктофонных записей, ни расшифровок – ничего. Я думаю, что он с головой погрузился в свою книгу о кооперативах. И никак не согласится, чтобы хоть что-то отвлекло его от эпохального труда о рабочем движении. Могу ошибаться, конечно, но… Я вам вот что скажу, Беннет. Есть веские причины, по которым Мартина лучше не беспокоить – сейчас, во всяком случае. И в ближайшее время. Вы можете, конечно, настаивать, но в этом случае я потребую, чтобы вы очень убедительно доказали мне, что без этого просто никак. Что-то мне подсказывает, что у вас это вряд ли получится.

– А Паоло Брачини?

– Понятия не имею, кто это такой. Здесь у меня никаких возражений нет. Хотя не исключено, что могут еще появиться.

– Как-то странно, мистер Клейн. Вы тоже занимаетесь смертью Иглета?

– Ни в коем случае! Беннет, нас совершенно не интересуют ни Иглет, ни Крис Мартин, ни этот ваш Паоло. Мы просто ведем рутинное сопровождение некоей активности… помимо всего прочего… Так уж получилось, что мистер Мартин в какой-то момент возник на периферии наших интересов. Скажите, Беннет, а что вы знаете о судебных делах покойного мистера Иглета? Я имею в виду его иски против России.

«Сейчас он начнет уводить меня в сторону», – сообразил Дон. – «Будет подсовывать наживку. Ну ладно, пусть поговорит. Про сфальсифицированную запись у гаража приберегу под конец.»

– А почему вас это заинтересовало именно теперь, мистер Клейн? У Иглета были очень напряженные отношения с российскими властями, с того самого момента, как он появился в этой юрисдикции. Мы переговорили с адвокатом, который вел его дело об убежище…

– С Деланси?

– Да. И он сказал, что ни за кем из группы компаний «Круг» не велось такой охоты как за Иглетом. Когда Иглет умер, вам было самое время подключиться, по горячим следам.

– Мы не занимаемся расследованием загадочных смертей, Беннет. Это работа для Скотланд Ярда. И у этой уважаемой организации не было никаких оснований считать смерть Иглета чем-либо кроме самоубийства. Ваши бывшие коллеги, Беннет, были в этом настолько уверены, что пошли даже на небольшую подтасовку – положили под сукно отчет одного из экспертов. Я правильно припоминаю, Кроули?

Кроули заерзал в кресле.

– Я правильно припоминаю. Так что вы знаете о судебных делах Иглета, Беннет?

– Я знаю, что он выиграл у России четыре миллиарда долларов. Потом он затеял еще несколько процессов в разных юрисдикциях, пытаясь добиться принудительного взыскания, потому что русские добровольно платить отказались. Во Франции и Нидерландах ему отказали – указанные им источники взыскания оказались негосударственными. До решения в этой юрисдикции он уже не дожил. Но я знаком с материалами дела – тут вполне вероятна примерно такая же ситуация. Так что свое право на эти деньги он доказал, но денег нет. Вернее, есть, но до них не дотянуться.

– Все это правда, – произнес Стивен, в очередной раз промакивая глаза, – одна только правда, но не вся правда. Вот вы сказали, что он не дожил до судебного решения в этой юрисдикции, не так ли? А вы уверены, что он вообще обращался

в лондонский суд с иском о принудительном взыскании?

– Было бы странно, если бы не обращался, – сказал Дон.

– Это вы предполагаете, не так ли?

– Предполагаю. Но можно уточнить у его адвокатов.

– Вы знаете, кто его представлял?

– Конечно. Фирма «Воган и Слайм».

– Да, – сказал Клейн. – Именно. Можете навести справки, конечно, но – насколько мне известно – с ними он это не обсуждал. Что объяснимо, впрочем. Если во Франции все было пятьдесят на пятьдесят, то относительно Нидерландов они просто обязаны были его предупредить… это не очень профессиональное поведение.

– Так вы считаете, что в лондонский суд он не обращался?

– Не обращался. Но это не значит, что он не размышлял на эту тему. А если размышлял, то мог и советоваться с кем-нибудь.

– Но не с «Воган и Слайм».

– Очевидно, что не с ними.

– Вы полагаете, что это может быть мотивом для убийства?

– Я впервые слышу, что его кто-то убил, – с нажимом произнес Клейн. – Убийства в наглухо запечатанном помещении случаются только в романах Картера Диксона. Не приходилось читать, Беннет? «Окно Иуды», например? Весьма занимательное чтение, Беннет, весьма, настоятельно рекомендую. Но в жизни в запертой на супернадежный замок ванной комнате может случиться исключительно самоубийство. О причинах мы можем только гадать. Финансовые проблемы например. Адвокатам он не платил уже полгода, там назревал крупный скандал. Или острый приступ клаустрофобии. Вошел в ванную,

машинально запер за собой дверь, у него начался панический приступ, стал отпирать – руки дрожат, замок не поддается, вот и полез в петлю.

– У него там была установлена тревожная кнопка, – поправил Дон.

– Была. Но после того, как охранник уехал, в доме не осталось никого, кто мог бы услышать сигнал.

– А полиция?

– А в полицейский участок, насколько я знаю, сигнал не поступал. Может, неполадка какая-нибудь…

– А может он и не нажимал на кнопку?

– Может, и не нажимал. Я не настаиваю.

– Как человек, совершенно не интересующийся Иглетом, – с иронией заметил Дон, – вы очень и очень неплохо информированы, мистер Клейн.

– Это комплимент, Беннет? Я тронут. Но я на самом деле совершенно не интересуюсь Иглетом. Не исключаю, правда, что – при определенных условиях – он меня сможет заинтересовать. Сейчас оснований для такого интереса нет.

– А Мартин?

– Мартин – это совсем другая история. Применительно к нему необходимые условия для моей заинтересованности уже сложились. У вас еще есть вопросы?

– Есть один вопрос, сэр. Вы хотите найти русский след в деле о смерти Иглета?

– Это неприличный вопрос, Беннет. Я ничего не хочу. И не имею права давать вам какие-нибудь указания, подбрасывать версии или пытаться влиять на ваше расследование. Одна просьба у меня, тем не менее, есть. Если то, что вы называете русским следом, вдруг обнаружится, дайте мне знать. С мистером Кроули это согласовано.

– Вы не верите, что это было самоубийство, сэр?

Клейн вздохнул.

– Я верю в то, что расследованием подобного рода дел занимается Скотланд Ярд. У нас своя работа. Возможно, в последующем нам будет любопытно ознакомиться с результатами вашей деятельности. Но пока что…

– Но про то, что хорошо бы приглядеться к русским, вы мне говорите прямым текстом, сэр. Допрос Мартина вы фактически запрещаете. Это у вас называется – не вмешиваться?

– Однажды у Талейрана, Беннет, спросили, что такое невмешательство. Знаете, что он ответил? Невмешательство – это политическая и метафизическая концепция, означающая примерно то же самое, что вмешательство. Тем не менее, повторяю еще раз. Мы не намерены вмешиваться в вашу работу. Если вам так уж хочется тратить время и деньги на бессмысленную поездку в Уэльс – добро пожаловать. Это создаст для нас некоторые трудности, но все это вполне терпимо, Кроули тут несколько преувеличивает. Конечно, мы бы предпочли, чтобы этой поездки не было, но воля ваша. Я лишь предупреждаю, что вас опередили. Мартин не станет с вами разговаривать, даже если к нему удастся подобраться на близкое расстояние.

– Я не понимаю, сэр. Вы хотите сказать, что какие-то охраняющие его русские громилы могут остановить сотрудников Ярда, ведущих расследование уголовного дела?

– Беннет, спуститесь на землю. Никакого официального расследования нет, и вы это прекрасно знаете. Полиция Уэльса это выяснит через пять минут после того, как вы обратитесь туда за помощью, так что от них вы ничего не получите, несмотря на личные связи. Никаких русских громил, как вы изволили выразиться, там и близко нет – Мартина опекают нанятые и оплачиваемые им лично громилы из лондонской охранной фирмы. Они вас на милю к нему не подпустят, а если у вас все же получится задурить им головы, то рядом с Мартином – я вас уверяю – вы увидите очень серьезного адвоката, который не позволит ему и рта раскрыть. А когда ваши люди, поджав хвосты, приползут в Лондон, их уже будет ждать комиссия из Хоум Офис, потому что жалоба от адвоката их опередит. Я вовсе не пытаюсь как-то влиять на ваши действия.

Просто советую.

– Мне нужны показания Мартина, – решительно заявил Дон. – Теперь я в этом просто убежден. Он определенно знает что-то важное.

– Наверное, – согласился Клейн. – Скорее всего, так оно и есть. Только сейчас вытащить из него это знание невозможно. Если вы несогласны, Беннет, можете попробовать. Но вы только потеряете время, поверьте мне. Я тут припоминаю одну штуку. Лет шесть назад вы, если не ошибаюсь, давали интервью «Дейли мейл», когда закончили расследование тройного убийства в Хэмстеде, не так ли?

Пристрастие к общению с журналистами было одной из причин, по которым Дону пришлось уйти на покой. Скорее всего, главной причиной, хотя об этом и не говорилось вслух.

– У вас тогда скоропостижно скончался важнейший свидетель, к которому вы еще не успели подобраться, – продолжал Клейн, – припоминаете? А когда журналисты у вас спросили, как же вам все-таки удалось раскрыть это дело, вы им ответили: «в мире не существует информации, которой владел бы один-единственный человек; информация, пусть и в разорванном на кусочки виде, всегда сохраняется, и остается только разыскать эти кусочки и восстановить по ним единое целое». Припоминаете? Так что ищите кусочки и обрывки. Что, как вы предполагаете, может знать Мартин?

– Я думаю, что официант, этот самый Паоло Брачини, рассказал ему, кто ужинал с Иглетом в его последний вечер. Этот человек и для вас, мистер Клейн, может быть интересен, если он имел отношение к смерти Иглета. Вашу версию о причастности русских проще всего проверить, найдя этого человека. А также Брачини.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Справка МИ5 (май 1927 года) приведена в сокращении, отдельные имена изменены автором

2

В письме Чемберлена некоторые фразы и имена изменены автором

3

Eaglet (англ) – орленок. Ed Eaglet – Орленок Эд, персонаж «Алисы в Стране Чудес» Л. Кэррола

4

Темз Хауз – штаб квартира британской контрразведки

Купить: https://tellnovel.com/ru/bef_zhyul/dym-i-zerkala

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить